

18+ ССИМИСТЫ

Максим Федорин

Максим Федорин

Пессимисты

«Издательские решения»

Федорин М.

Пессимисты / М. Федорин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Настоящая книга поднимает сложные философские вопросы о построении современного Общества, его порядках, личной и общественной безопасности, а также о стереотипном и прямолинейном мышлении. «Пессимисты» — выдержанная в стиле знаменитых произведений Ф. М. Достоевского социально-психолого-философская повесть с элементами драмы, события которой развиваются вокруг романтического мира авиации.

© Федорин М.

© Издательские решения

Содержание

Пессимисты	6
Часть I	6
1	6
2	8
3	13
4	16
5	20
6	21
7	25
8	27
9	34
10	37
11	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Пессимисты

Максим Федорин

© Максим Федорин, 2026

ISBN 978-5-0071-3532-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пессимисты

Часть I

1

*Утро доброе, страна!
Зовёт на подвиги судьба!
И ровный строй солдат
Блестит, как в цирке маскарад.*

Март. Время, когда всё расцветает, становится каким-то живым, мечтательным и весёлым. Это было нелюбимое время года, он скептически относился к голубому небу, яркому весеннему солнцу и набухшим почкам, из которых то и дело время от времени начинали выступать зелёные росточки. Его движения постоянно что-то сковывало, он чувствовал себя не в своей тарелке и в такие дни считал минуты, когда сутки пройдут свой Рубикон, и над городом вновь нависнет вечер или ночь. Он ненавидел белые улицы, на которых нет снега, ненавидел песчаные пляжи без моря, а грязь и слякоть после зимней околесицы принимали самую острую критику в свой адрес.

Но это был особенный день. Он не обращал на всё это никакого внимания: просто шёл вдоль городской реки и радовался моменту. Он был счастлив. Только городские птицы могли быть свидетелями его радости. Обычные прохожие — ничто, просто бессердечный люд, который погряз в своих проблемах: мужчины думают, что подарить своим женщинам на предстоящий праздник, или придумывают, как «отомстить» за бесполезный подарок, сделанный ими две недели назад. Женщины уже фантазируют, какую они состроят гримасу при виде презента от своего избранника, ведь он опять подарит не то, что нужно.

Обо всём этом сейчас даже не было никакой мысли и соображений. Он знал, что всё идёт хорошо, жизнь у него налаживается, он мечтает и верит в счастливое и успешное будущее.

Презирая беспричинную улыбку, молодой человек смущённо для себя осознавал, что его губы сами непроизвольно тянутся к ушам, а он этому никак не препятствует. Всё его счастье так и рвётся наружу со словами: «Вот я какое, я существую, глядите все!»

И вдруг всё это блаженство куда-то улетучивается, просто растворяется в воздухе. Яркий солнечный день внезапно сменяется тусклым и унылым вечером. Он останавливается, оглядывается, ни капельки не понимая, куда подевались все прохожие. Внезапно он, не делая никаких движений, на ровном на месте поскользывается, падает и ударяется головой о землю. Однако при этом он прекрасно понимает, что весной в плюсовую погоду после бесснежной зимы не могло быть никаких скользких мест.

Обдумывая это загадочное происшествие, сидя на холодной, ещё непрогретой земле, он замечает, что к нему приближается *Оно*. Что-то чёрное или вовсе прозрачное, но точно бесформенное. Всё ближе и ближе. Ему больно, он ударился головой, но *грозному существу* всё равно. *Оно* движется беспощадно, заставляя его извилины соображать и работать быстрее. Что же предпринять, как избежать неминуемой гибели или, по крайней мере, неприятных ощущений?

Но *Оно* приближается, принимает какие-то очертания: ужасная форма, несуразные жесты, хрупкость фигуры, но при этом движение смелое и целеустремлённое... что это? 100 метров, 70, 30! Неужели это?!..

По шелчку пальцев он проснулся. Открыл глаза и уставился в потолок. Он почувствовал, как капелька холодного пота течёт по ледяной щеке, а весь лоб — в испарине.

«Опять *Оно*! Почему мне не хватает смелости досмотреть этот сон до конца? Ведь это же не в первый раз, и, причём, *Оно* появляется в разных местах: то в парке, то на пляже, то в метро... Неужели меня преследуют и к чему-то готовят? Интересно, но как это понять?»

Он в отчаянии ударил кулаком по дивану.

— Трус! И так всегда и везде! — вырвалось у него.

Он приподнялся на локте, взглянул на часы в телефоне — нормально, ещё время есть.

Он снова лёг, прикрыл глаза и начал размышлять, прокручивая мысли одну за другой.

«Почему же счастье у меня только во сне? Почему я не могу быть счастливым наяву? Хотя... кто сказал, что я счастлив во сне? *Оно* приходит, и от моего счастья не остаётся и следа! Неужели это настоящее счастье, которое можно вот так легко спугнуть? Всего одно непонятное явление — и счастья как не бывало! Я не о таком мечтаю. А о чём я тогда вообще мечтаю? Какая моя цель в жизни? Стать успешным? А для чего это? Стать успешным, чтобы быть богатым? А для чего это богатство? Стать успешным, чтобы быть богатым, чтобы самостоятельно смастерить счастье? А что такое счастье? Его можно купить? Какое тогда это счастье? Неужели все успешные люди счастливы? Неужели все богачи рады своей участи? Уверен, что нет! Тогда, что такое счастье? Как его обрести, а главное — с кем? По-моему, я опять вступил в один и тот же замкнутый круг...»

Он снова посмотрел на часы — ну вот, пора, можно и подниматься. По своему обычаю он подошёл к окну, поприветствовал Бога, пожелал ему хорошего дня, повернулся и поприветствовал Икону. Больше ему приветствовать в своей съёмной квартире было некого. Он был верующим, но не сказать, что являлся глубоко религиозным или набожным человеком, он даже Библию в своей жизни ни разу не открывал, но при этом просто верил. Он верил в Судьбу, в сверхъестественные силы и в знаки свыше. Он надеялся, что его слышат, понимают и всячески помогают.

Завершив все утренние обряды, он начал готовить свой скудный, почти ежедневный завтрак: йогурт и хлопья. Он вспомнил, как с самого рождения и вплоть до молодого возраста мама готовила ему каждый день кашу. Какие были, однако, замечательные времена — беззаботные и простые! На самом деле весь его распорядок жизни мало поменялся с того момента, как он принял судьбоносное решение — наконец-то съехать от родителей. Он думал, что самостоятельная жизнь сможет многому научить, поможет найти новые пути развития и откроет перспективные направления на «личном фронте». Но всё оказалось совершенно по-другому. Каждый день были одни и те же однотипные действия, всё та же последовательность мероприятий. Было ли это решение о переезде оправданным? С экономической точки зрения точно нет! А с моральной? Может быть. Но всё равно в такое время он бы не отказался от помощи. Как же это было прекрасно: тебя разбудили, ты встал, а на столе уже всё готово и дожидается, почти негорячее — ведь надо же было быстрее всё в себя залить, чтобы в школу или университет не опоздать. А сейчас всё самостоятельно, по-другому. Как бы самостоятельно...

Он машинально включил телевизор и сел завтракать. Скучно переключая каналы, ложкой за ложкой он вливал в себя густую фруктовую массу.

«*В горячей точке снова не спокойно...*», «*Центральный банк предупреждает...*», «*Первое лицо встретилось...*», «*Сегодня последний матч группового...*», «*Пожар в многоэтажке, 15-летний ребенок спал...*». Стоп! Кого он спас? Переключил обратно, и монотонный голос за кадром нелепыми фразами докладывал: «*Мальшика жива, находится в больнице в состоянии средней степени тяжести. Надыхалась угарным газом. Безответственные родители забыли*

её в квартире, вспомнили только на улице, когда увидели, как её неподвижную выносит юный герой. Правительство города уже готовит награду спасателю, а органы возьмут ситуацию на свой контроль — будут разбираться, почему родители оставили ребёнка...»

«Интересная история. Юный герой... парень ещё в школе учится, и ещё не пойми как, а уже герой! Сейчас всю неделю будут про него „трубить“, всю его биографию расскажут. Вот же, как оно бывает...»

«А как бы я поступил на его месте?» — этим вопросом он постоянно задавался, когда слышал такие новости о простых людях. Проецировал ситуацию на себе: «А что я, а как я, а что потом бы было?»

Сейчас двигаясь вдоль реки, он вновь задавался вопросом, почему же никто ни разу не захотел пройти по льду на другую сторону? А если бы и захотел — выдержал бы лёд, а если бы нет — нужна ли была бы вообще помощь, или утопающий оказался бы первоклассным пловцом, да и вдобавок закалённым «моржом»? А как бы он вообще понял, нужна ли помощь, если бы человека сразу же засосало в ледовую пучину? А увидел бы он вообще это событие? А рискнул бы он своим здоровьем или, быть может, жизнью ради человека, когда не было бы вообще никаких гарантий на удачное спасение? Конечно, смог! Наверное, правда, смог...

Он зашёл в метро. Там снова, как и всегда, стояли рядом с рамками металлодетектора мужики в красивой форменной одежде: «И зачем же они нужны? Неужели ещё кто-то верит, что это поможет против подготовленного террориста?» Пройдя турникеты и мотнув головой в сторону, он машинально взглянул на их уставшие, недовольные лица и вступил на движущийся механизм, спускающий и поднимающий миллионы людей ежедневно.

— Да, я бы смог, а лучше сказать — должен был бы! Как-никак я учился и сейчас работаю в сфере безопасности!

2

*Здесь и балки железной арматуры,
Здесь и свет томительных лампад.
Здесь ветер обманчивой натуры,
Здесь: позор, уныние и смрад.*

Метро. Пожалуй, одно из самых гениальных изобретений человечества. Разве мыслимо проложить десятки километров под многомиллионным городом, почти не разрушив его? Разве не гениально создать сеть подземных коммуникаций, позволяющих добраться с одного конца мегаполиса до другого всего за каких-то полчаса? Конечно же! Безусловно! Как жаль, что нет таких путей между странами... Как было бы здорово, спуститься в метро где-нибудь на тропическом острове, а через 40 минут оказаться уже за полярным кругом! Но какие нужны при этом скорости, сколько займёт прокладка таких путей, сколько тестов, и как должны быть развиты технологии, чтобы к этому всему прийти! Нет, этим пока можно наслаждаться только на экране в кинотеатре. Фантастика!

Поэтому пока приходится довольствоваться самолётом. Тоже великим произведением человеческого ума и изобретательности. Вот посмотрите: казалось бы, два гениальнейших новшества, два вида транспорта, а как они по-разному влияют на сознание и поведение человека. Самолёт — для высших и привилегированных классов общества, им пользуются люди с определённым достатком и для своих серьёзных нужд: бизнес, путешествия, развлечения, отдых. Деньги, богатство, роскошь, слава, почёт и уважение.

И метро... Клерки, жалкий проездной на месяц за баснословную и порой неоправданную сумму, грязь, месиво, уныние, скованность, гнетущая обстановка...

Роскошные аэропорты, многомиллиардные проекты, красота, мощь и грация. И вестибюли метрополитена: современные станции — это просто набор бессмысленного разнообразия, современных трендов на пластик и яркие цвета или стекляшки, которыми уже никого не удивишь. Раньше изобретения и новые проекты являлись отдельным видом искусства, показывали мощь человека, в них вкладывалась идея, роскошь и какая-то мысль. А сейчас — нужно быстро-быстро построить новые дома или станции, быстрее ввести их в эксплуатацию — только бы удовлетворить растущий спрос в новых районах. Скучно и однообразно.

Но самое главное отличие этих изобретений друг от друга — это человеческое поведение и отношение к другим людям при совершении поездок. Самолёт, аэродром и техника на нём, аэропорт с новыми технологиями — это роскошь, и предполагается, что подавляющее большинство пассажиров или людей вокруг обладают примерно тем же достатком, тем же социальным статусом, что и ты — ведь они летят тем же рейсом, в то же направление и тем же самолётом. Цены на билеты летают в облаках, стоимость продукции в аэропорту достигает космических масштабов — неужели здесь могут быть бедные люди?

А метро? Место, откуда хочется быстрее убраться, быстрее доехать и поменьше быть задавленным в часы пика городской суеты. Это место скуки и грусти, где лишний раз можно подумать о своей горькой участи обычного маленького человечка, которого не посвящают в самые загадочные тайны мироздания или большой игры, которая каждый день происходит в высоких кабинетах в разных странах мира, где вершатся судьбы миллионов, а порой и миллиардов человек по всей планете, в том числе и этих из метро.

Аэропорт — это что-то уникальное и редкое, метрополитен — это монотонное и каждодневное однообразие.

Метро — удивительное место для анализа и составления душевного портрета человека и его личности. Начиная с самого входа в подземелье, невольно попадаешь в эту паутину уныния и грусти. Едешь по эскалатору, смотришь на противоположную сторону — тоска и печаль на лицах: «Побыстрее бы уже доехать наверх». Куда-то торопишься, надо быстрее спуститься вниз, но всё равно находится какой-то субъект, который не знает местных порядков и стоит на твоём пути, мешая совершить этот необходимый манёвр. Как после этого не впасть в ярость или уныние? Человеческое сознание переменчиво: он нейтральности до ненависти — всего один неправильный шаг.

Но самое ужасное начинается уже в самом длинном железном червяке. Под этот монотонный стук стальных колёс, под завывание ветра, который постоянно клонит тебя в сон, ты начинаешь свой ежедневный анализ общественного настроения, а иногда и современного человеческого абсурда.

Кругом грустные и угрюмые лица пассажиров, кто-то не спал и сейчас пытается восполнить этот пробел, который он по ошибке вчера совершил, поздно ложась в кровать. Кто-то нервно переламинается с ноги на ногу — утомительно же держать равновесие или вечно стоять на двух ногах! Кто-то, не отрываясь, смотрит в эту бесконечную темноту электрических проводов и кабелей, неустанно проплывающих за окном. Кто-то ждёт, грустит, надеется, верит во что-то или полностью разочарован в своей судьбе и впустую прожитых годах.

Таких людей процентов 20, а все остальные...

Смартфон — новое гениальное средство порабощения человечества. Сейчас уже мало, кто представляет свою жизнь без этой коробочки. Переписки, чаты, бесконечный поток новостей, разнообразные и бессмысленные игры — всё, что может отвлечь от внешнего, реального мира и действительности. Как легко человек может погрузиться в круговорот этой информации, лишь бы удалиться от своих бед и забот, скоротать те несчастные полчаса дороги от домашних проблем до нелюбимой работы.

А всё начинается с длинного многоступенчатого механизма, который медленно и плавно затягивает всех без разбора в гнетущее болото. На этой монотонно движущейся тро-

пинке, ведущей в подземное царство многотонных железных червяков с миллионами километрами электрических кабелей, питающих современных монстров, люди постепенно, с каждым пройденным вниз метром, входят в гипнотический транс, где телефон является не переменным и самым главным шарлатанским атрибутом. Бывает забавно наблюдать, уже поднимаясь наверх и постепенно отходя от цифрового гипноза, как живые люди на первых ступенях транспортного питона, к середине своего вертикального пути превращаются в человекоподобных роботов, которые ускоренно пытаются отыскать в телефоне инструкцию, что же делать им дальше. Временами комично смотрится, как современные цифровые зомби нелепо, чуть ли не сталкиваясь друг с другом, перемещаются по тротуару, уставившись в свою маленькую сенсорную коробочку и погрузившись в вымышленную виртуальную реальность, и ничего рядом с собой не замечают. Молодые люди, женщины, мужчины, дети и даже старики с младенцами — все увязли в этой пучине!

Улыбка в метро, когда в вагоне или поблизости нет компании друзей — это большая редкость, если не миф. Улыбка без причины — как смех в знаменитой детской поговорке. Здесь она возникает только в одном случае — если ты увидел что-то забавное в своих современных цифровых оковах.

Больше ничего не может развеселить одинокого человека в городских катакомбах с железными червяками. Максимум, что достаточно редко встречается из-за чрезмерной скованности и скрытости, — это какой-нибудь забавный случай со своим коллегой по современному несчастью.

Лишь однажды он был готов пересмотреть свои взгляды на это удивительное явление для подземной жизни горожан — улыбку. Было это только раз: он шёл по платформе к дальней её части, и вдруг среди всей толпы народа, через которую прокладывался путь, он увидел улыбающееся женское личико, которое смотрело в его сторону. В нём опять, как это обычно бывает в подобных ситуациях, всё перевернулось, сердце забило с частотой, как при преодолении марафонской дистанции, и в лицо ударила краска — его отличительная особенность практически в любой нестандартной или не проработанной в уме заранее ситуации.

«Неужели? На меня обратили внимание молодые и живые женские глаза?» — подумал он. Смеющийся ротик, и милое личико. Девушка примерно такого же возраста, что и он! Всё это было прекрасно! Абсолютно всё!

«Надо взять себя в руки и подойти, а вдруг всё получится?» — вот такие мысли прокрутились тогда в считанные секунды.

Наконец, он и она поравнялись, молодой человек уже придумал, что будет говорить — вдруг слова сложатся в какую-нибудь более или менее приемлемую конструкцию, а язык не утратит своей способности двигаться в нужных направлениях. И вот он уже протягивает руку, как сотрудник дорожно-постовой службы, чтобы остановить нарушителя его пульса для выяснения всех обстоятельств, как вдруг слышит:

— Да ладно, а что он? — сказал её прекрасный и миленький голосок, и одновременно с этим в волосах в районе уха блеснул белый беспроводной наушник!

Она прошла мимо, а он остановился. Похоже, что девушка даже не заметила перед собой появления очередного поклонника. Либо она смотрела сквозь него, вся погружённая в рассказ об очередной забавной выходке парня её подруги, либо специально взяла его на прицел в качестве примера, как представителя социальной и гендерной группы, о ком шла речь в правом её ухе.

Ну почему так? Почему производители новых устройств и систем не прикладывают инструкцию по пользованию своими гаджетами? Неужели сложно написать, что беспроводные наушники нельзя незаметно использовать — другие люди должны видеть, что сейчас они включены, в них что-то играет, или идёт сокровенный диалог? Зачем выставять наивного простака посмешищем перед всей бездушной и жестокой толпой, а главное — перед своим

честолюбием? А ведь он уже свои мечты и мысли планировал, как будет крутиться и развиваться их роман. Зачем так разбивать на ровном месте сердце, которое, и так склеено из разных кусочков, причём весьма ненадёжным способом?

Компании виноваты, мировые монстры электронной и цифровой индустрии! Вот если были бы правила, что во время разговора людей нельзя оставлять наушники в ушах, потому что согласно инструкции по эксплуатации необходимо вставлять их в футляр, класть в карман и продолжать диалог, то несчастных и разбитых отношений было бы меньше, а сохранённого достоинства намного больше! А что это такое, когда у тебя играет музыка в одном ухе, и при этом льётся поток информации от своего собеседника в другую ушную полость, или когда оба наушника используются по назначению, находясь в ухе, а ты ведёшь диалог про политику или о том, как продать машину? Это бессмысленная и печальная современная тенденция!

Вот именно в таких мыслях простоял он, глядя вслед своей на несколько секунд возлюбленной и ожидая при этом следующий поезд, так как предыдущий он пропустил именно из-за неё!

В тот момент он поклялся никогда не подходить к людям, у которых имеются наушники в ушных раковинах, только в исключительных и критических случаях, из которых он благополучно вычеркнул пункт «подойти познакомиться, а вдруг это судьба, и она сейчас от тебя ускользнёт».

Существует ещё третий тип пассажиров метрополитена — это книжные или газетные читалки. Эти люди составляют подавляющее меньшинство. Они, как вымирающий вид или цветы из Красной книги, которых с каждым разом становится всё меньше и меньше. Но всё равно встречаются и книголюбы, и газетофилы, и журнало-кроссвордные бароны. На самом деле, не важно, что ты читаешь, главное — читаешь!

Правда, читать можно и новости в Интернете, но это совершенно не то, согласитесь. Куча отвлекающих факторов: кто-то написал — надо сразу же ответить, заиграла не та музыка — надо переключить, а там и лента новостей недалеко, друзья, лайки и комментарии — надо всё посмотреть и всё проставить. Вновь замкнутый круг! А вот бумажные варианты... это, действительно, вымирающий вид, краснокнижное явление! Газеты печатаются миллионными тиражами... а ради чего? Чтобы их просто выбросить или оставить помирать на подступах к эскалатору? Тем более все бумажные версии есть в цифровых или аудио форматах!

Другое дело — книги! Есть книжки с фальшью, т.е. ради удовольствия, рассчитанные для низко образованной аудитории, но в большинстве случаев — это великое произведение искусства с разными тематиками и объёмами. Научные, художественные, деловые, специальные — огромный выбор — читай, не хочу. Вот именно «не хочу» — самый популярный ответ у современного человека.

Но как же здорово после трудной работы или учёбы окунуться в этот огромный мир букв, слов и предложений, углубиться в невероятные истории об отважных рыцарях или графах, космических аппаратах или о мирах будущих поколений. Прочитать любовную историю, представить в очередной раз, что такое могло бы быть и с тобой, если судьба распределилась бы иначе, и ты бы родился на пару столетий пораньше или наоборот попозже. Или окунуться с головой в непостижимый и загадочный мир философии, психологии, экономики, политики и т. д.

Как же чудесно, и никто тебя не отвлекает. Только... Нет, и здесь тоже отвлекают! Эти нескончаемые парады и смена твоих попутчиков: заходят и выходят, туда-сюда. Смотришь, никому ли не надо уступить место, ты же воспитанный! Как мама учила! Но даже соблюдение таких хороших манер порой не может не вывести из себя:

— Садитесь, пожалуйста!

— Нет, спасибо.

— И всё же я уступлю!

— Нет, я постою, мне недолго ехать.

Стоишь себе вместе этой скверной бабой, и вместе смотрите на пустое место. Всё-таки сдаёшься — садишься обратно, начинаешь поиск абзаца, где прервал чтение. Станция. Встаёт 3—4 человека и... она садится! К чему был этот цирк, кто оценил это представление? Кто-нибудь видел? Кто-нибудь похлопал?

Поэтому теперь надо вглядываться в лица, чтобы попытаться предсказать, будет ли повторение похожей ситуации вновь, и как не попасть впросак. Сидишь и продолжаешь читать!

А эти бездарные недомузыканты и недопевцы! Зачем они отвлекают? Заходят, как к себе домой, с фальшивой, электронной музыкой и разрушают эту душевную гармонию железного червяка! Бессмысленные мелодии, скверный голос, глупый репертуар — и они за это ещё хотят получить деньги!

Один единственный раз он дал милостыню такому самопровозглашённому артисту. Это была ничем непримечательная бедная бабушка. Она зашла в вагон, как обычно, с клюкой, уже сработал этот внутренний инстинкт — «надо встать», но она и не собиралась усаживаться, потому что начала петь. Была какая-то народная песня. Но вот червяк оживился, захлопнул свои грозные рты, через которые проходят его пассажиры, и начал гнать с такой силой, как будто торопился на обед. А она всё стояла, шаталась, но пела. Грозный ветер туннелей заглушал её тихий вокал. Она попыталась повысить тональность, напрягла из последних сил свои голосовые связки, но всё равно не сумела перекричать этот шум ветра. Так и замолкла. В ожидании очередной станции устала в пол.

Никто, почти никто в вагоне не обратил внимания на эти жалкие попытки достучаться до человеческого сознания о том, что искусство и чувство прекрасного всегда живёт с человеком, только надо раскрыть в себе этот простор для мысли и наслаждения. Что и пыталась сделать бабушка.

Наконец-то, очередная станция. Она начала выходить, так и не получив никакого, даже скудного, гонорара, поскольку так и простояла на месте, не желая пройти по раскачивающемуся из стороны в сторону вагону, вероятно, побаиваясь не удержаться на уже слабых ногах. И вдруг какая-то сила толкнула его подняться и пойти за ней. Он был поражён настойчивостью и упорством этой борьбы пожилого человека с городской стихией. Но также он был поражён беспомощностью и бедностью этой старухи, на которую никто так и не удосужился даже поглядеть.

Он пошёл за ней, хоть до станции назначения оставалось добрая половина города. Догнал и взглянул в её исхудалое покрытое бесчисленными морщинками лицо. Да, это была не ошибка, он действительно хотел ей чем-нибудь помочь. Он раскрыл карман, закинул туда руку и вынул всю мелочь, которую там нашёл, якобы предназначавшуюся для какого-нибудь непредвиденного случая. И вложил всю горсть ей в ладонь, ничего не говоря, отвернулся и пошёл прочь ждать нового состава. Он не хотел ничего говорить или что-то ей доказывать — боялся не сдержать эмоций.

Только находясь уже в новом подземном жителе, в его голове начались размышления. Он сейчас только что переступил свой принцип, а ради чего? Что она сможет купить на эту горстку жестинок? Да ничего? А что ещё хуже — этот весь её «гонорар» за творчество заберут её руководители и кураторы. Или просто современная мафия, которая держит в рабстве таких одиноких и бедных стариков, чтобы они работали на них за скудный обед и крышу над головой. Печально, если с этой бабушкой дела обстоят похожим образом.

Но мог бы он поступить иначе? Да, конечно, если бы он не увидел её захода в вагон и не слышал этих жалобных попыток докричаться до «аудитории». Проще говоря, если бы он был в наушниках или был бы погружён в чтение очередной сводки цифровых новостей.

Просто не мог не проявить уважение к пожилому человеку, может быть, ветерану боевых действий, кто знает? Он переступил свои принципы по отношению к подаянию милостыни, спонсировал мафию (хотя он до сих пор надеется, что она была «одиночкой»), ради чего? Ради уважения к старшему? Да, скорее, ради уважения к старшему!

3

*Друзья, соседи — вот отрада!
Свет и краски — красота!
Куда же делись все? Вот засада...
Вмиг спустилась темнота!*

Наконец-то закончился этот ежедневный подземный кошмар. Хотя и кошмаром это всё равно назвать трудно — просто неприятный каждодневный быт современного жителя мегаполиса, иногда, правда, всё-таки радующий глаз и сердце счастливого человека, когда в жизни наступает невероятно светлая полоса.

Он поднялся на поверхность, преодолев несколько очередей в банкоматы в вестибюле станции и вспомнив при этом интересный рассказ о войне против денег, который вёл один бедняк. И наконец, поднялся на улицу.

Перед ним открылся дивный вид: кругом белым-белом, с неба падают крупные хлопья снега, всюду мелькают разноцветные огоньки и фонарики, витрины пёстро переливаются разнообразными цветами. Люди стоят и переминаются с ноги на ногу от пронизывающего ветра и, тяжело переваливаясь, идут по только что приземлившимся снежинкам — типичная предновогодняя обстановка.

Правда, не совсем и привычная: ведь по статистике в последнее время на один снежный год приходится 3 — 4 бесснежные зимы с грязью и слякотью.

Но вот наконец-то подошёл его автобус — сейчас начнётся примерно то же самое, что и в метро: уступить место, наушники, чопорные лица, только ещё добавятся туристы с огромными чемоданами, которые никак не ориентируются в пространстве и вдобавок до сих пор ещё не выучили, как и где оплачивать проезд. Все признаки автобуса в аэропорт.

Да, он работал именно там. Именно авиация была его детской и сбывшейся только на половину мечтой. Хотя и «мечтой» — это громко сказано, потому что он никогда не знал, чего он в действительности хочет: то стать великим спортсменом, то супер агентом и работать в спецназе, то сделаться великим изобретателем, то войти в секретное общество, которое тайно управляет всем миром (начать, конечно, можно было и со своего города), то ещё тем, а ещё этим и вот тем.

Все эти желания и хотелки имели один, но самый ключевой критерий — не быть похожим на толпу, иметь изюминку в своей профессии, знать то, чего не знает обычный клерк или заурядный рабочий! Отсюда вытекал ещё один немаловажный фактор — нельзя сидеть в офисе, а если всё-таки уселся, то делай что-то секретное и чрезвычайно важное: взламывай системы, вводи коды, изобретай новую машину или технологию, захватывай или освобождай мир — только это и больше ничего! Никакой бумажной волокиты, никаких графиков и схем, никакого обеденного перерыва, никаких отчётов и накладных — ничего, что можно было назвать «офисной работой»! Про работу руками на заводах и речи даже не шло.

После окончания школы, имея такие глубокие и мало кому понятные мысли, он столкнулся с суровой реальностью — нет таких университетов, подобных специалистов нигде не готовят, по крайней мере, в открытом доступе. Вряд ли вы найдёте в Интернете информацию о приёмной кампании молодых шпионов или агитационные лозунги: «По окончании обучения вы станете профессиональным масоном», или «Приходите к нам учиться и через 20 лет вы будете выбраны человечеством в качестве своего посланника к другим мирам». Нет, такого он нигде не нашёл.

Поэтому пришлось выбирать из обычного и чего-то приземлённого. Но и здесь он старался ухватиться хотя бы за маленькую изюминку, чтобы можно было что-нибудь и кому-нибудь рассказать или наоборот заявить что-то в роде: «Прости, не могу дальше рассказывать — тайна!» Прежде всего, он хотел так выглядеть перед одноклассниками и своим ближайшим окружением. Вот будут они встречаться, все будут рассказывать: «А у меня там экономика, математики много», «А у меня там вообще, столько программ пишем, так здорово». А он бы на это ответил: «А вот у меня... нет, простите, не могу рассказывать, подписывал документ о неразглашении!» — и с гордостью отпил бы вино из бокальчика, глядя на всех с задумчивой и хитрой улыбкой.

Лишь одно он не учёл, что не будет никаких встреч, а его достижения будут никому не интересны: все разбегутся в разные стороны, все отвернутся от него. Кто-то организует свой кружок для избранных школьных приятелей, кто-то уедет в другой город или даже страну, кто-то кинет его в чёрный список, кто-то забудет, что вообще такой был, кто-то выйдет замуж или женится через пару лет и будет заниматься семьёй. Одним словом — отвернутся от него, и никому он станет не нужен, каким был во время учёбы. Но всего этого он не мог и предположить в свои 17 — 18 лет. Выпускником он лишь думал: «Мои друзья, вы навеки со мной, а я всегда буду с вами, я вас так люблю!» Поэтому и искал то направление, которое всех удивит, если не повергнет в шок.

Авиация была именно таким вариантом. Что вы слышите, когда произносят это слово в контексте профессии? 9 из 10 человек ответят «пилоты», может один скажет «диспетчеры» и всё! А если задать им следующий вопрос: «А если кроме них?», — то, подумав некоторое время, ответят: «Не знаю, может, техники?..» На этом познания в области авиации у народа и заканчиваются.

Конечно же, он хотел стать пилотом, ну максимум диспетчером. Как же прекрасно носить солнечные очки, фуражку, иметь золотые лычки на погонах и рукавах фирменного пиджака и при этом летать, посещать разные страны, города, аэропорты, каждый раз наслаждаться романтикой в небе, любоваться разными красивыми природными явлениями, встречаться с множеством людей и при этом иметь высококвалифицированную профессию с приличной, если не сказать, огромной заработной платой. Сколько можно было бы купить, быть успешным, богатым, а значит, счастливым.

Конечно, без престижа в профессии в современном мире никуда — каждый хочет показать, каким он стал классным и состоятельным, именно к таким и тянутся красивые девушки-модели, а какие стюардессы летают на самых больших и красивых бортах! Они стоят, позируют на рекламных афишах, их можно встретить в буклетах и на экранах телевизоров. А какие легенды ходят о романах пилотов с такими девушками... просто сказка же!

Примерно в таком духе он рассуждал, когда направлялся проходить предварительную медицинскую комиссию для поступления в Университет по выбранному направлению. Он имел представление о лётчиках и самой профессии самое простое и обыкновенное — как у всех обычных «людишек» в метро. Он не знал, что работа представляет повышенный эмоциональный и психологический стресс для человека, он не думал, что пилот несёт ответственность за жизнь и здоровье пассажиров во время полёта, в том числе на земле, а не только нажимает какие-то красивенькие кнопки и смотрит в окно на солнышко. Он не осознавал, что для того, чтобы нажимать на эти кнопки, нужно сначала выучить, что это всё означает. Безупречно знать конструкцию самолёта, аэродинамику и погоду, в совершенстве владеть знаниями в области физики, математики, механики и ещё свободно разбираться в добром десятке предметов, той же технологии радиообмена, иностранном языке или мастерски ориентироваться в картах и авиационных правилах. Он не думал, что помимо путешествий и посещения разных городов, нужно работать в тесной и душной кабине лайнера, а если это трансатлантический перелёт — что тогда? Он не думал, что у пилотов, в сущности, нет нормированного рабочего дня,

а значит, нет и свободного времени на личную и семейную жизнь, на полноценный отдых и нормальное хобби.

Поднять в небо многотонную машину и сделать так, чтобы она полетела! Разве это не гениально?

Он не подозревал, что необходимо, в сущности, знать, что делать, чтобы спасти жизни во время катастрофы, что такие ситуации многократно прорабатываются и выучиваются на тренажёрах, он не думал о постоянных проверках здоровья пилотов, о регулярных переподготовках и обо всём на свете. Он также не задумывался, что это одна из самых монотонных и рутинных работ, где все движения и мероприятия повторяются от рейса к рейсу и жёстко закреплены в правилах и лётных руководствах, чего он решительно хотел избежать для себя в будущем. Здесь нет места импровизации, нет и свободы, за исключением нештатных ситуаций, которые случаются один раз на миллион самолёто-вылетов по всему миру. И то... даже там нужно действовать строго по инструкциям. Различные, но в то же время одинаковые аэродромы, радиопереговоры, одни и те же манипуляции перед и после рейса, заполнение полётной документации, многочасовые эшелонные горизонтальные полёты, производимые на автопилоте — что это, если не монотонность и однообразие?

В конечном итоге, он не подразумевал, что работу после окончания учёбы не так-то легко и найти. Прежде, чем зарабатывать миллионы, ты должен ещё побегать и всем поклониться, если у тебя, конечно, нет друзей или знакомых в авиакомпаниях. Далеко не факт, что тебя ещё куда-то возьмут. Ведь всё расписано либо для целевиков, хотя и те ждут по несколько лет своего шанса, либо для детей очень успешных работников авиационной отрасли. А обычному «студенту», как показала в дальнейшем практика и примеры с соседних факультетов, там вообще делать нечего, поэтому можно смело идти куда-нибудь работать, пока до рассмотрения твоего резюме дойдёт очередь.

В конце концов, он не знал, что в официальной терминологии нет слова «стюардесса», а только «бортпроводник», и что эти «стюардессы» на рекламных плакатах не кто иные, как обычные актрисы или фотомодели, которые не имеют ни малейшего отношения к авиации и знают не больше о ней, чем он сам.

Однако, как же он всё-таки разочаровался, когда ему какая-то старушенция вынесла вердикт: «Не годен к полётам!» Весь мир пошёл под откос, что же делать? Может быть, диспетчер? А диспетчером можно? «Не годен к полётам, в том числе и работе диспетчером», — именно такой был дан ответ.

— Как, подождите, но это же разное!

— Нет, требования одинаковые, могут быть отклонения лишь по зрению и то самые незначительные.

Да за что же всё это? Зрение в порядке, даже лучше, чем ожидалось — самая сложная и ответственная процедура, которая занимает практически два дня: сначала тебя проверяют, как это бывает у нормального окулиста, а затем заливают в глаза особые капли из специального раствора, который расширяет зрачки и, соответственно, происходит расфокусировка зрения. В глазах всё плывёт, поначалу вообще идёшь, расставив вперёд руки, чтобы ни в кого не влететь, но потом постепенно привыкаешь. И так надо ходить сутки, чтобы потом через специальную машину каким-то магическим образом выяснить, какие у тебя глаза, подходящие для полётов или нет.

Как же он был горд вернуться в тот день в школу, войти в класс и торжественно всем объявить о том, что он сейчас с медицинской комиссии, где проходил всё, что только можно, как космонавт, и что сейчас он не может писать, так как ничего перед собой не видит, поэтому на уроке может только слушать. Каковы были лица его одноклассников и учителей, когда он это всё рассказывал! Он был горд, что его так слушают и представляют, кем он может стать! Именно тогда было дано новое, непонятно какое по счёту прозвище — «пилот».

И каково его было состояние, когда он пришёл в середине следующего учебного дня в школу, также, опоздав, зашёл в класс, также на него все уставились в ожидании чего-то необычного. В тот день должны были назвать окончательный вердикт медицинской комиссии. Он был таков: «Не годен к полётам», и потом приписка: «В том числе и к диспетчеризации полётов гражданских воздушных судов».

Он заметил, что у некоторых слушающих рассказ о его роковом высоком давлении, порой то и дело приподнимались уголки губ, выражающие определённое насмехательство над его участью и неудачей. Явных улыбок и издевательств не было — все боялись обидеть, как ему тогда казалось, своего верного товарища и друга, хотя он и не исключал, что среди этих слушающих лиц были и те, кто безумно обрадовался его провалу.

Конечно же, в конце своего рассказа про двухдневный поход по авиационным врачам он добавил, что всё равно через полгода попробует вновь пройти эту злополучную медкомиссию и в итоге стать первоклассным пилотом гражданской авиации.

Однако в то же время он сам прекрасно понимал, что ничего не будет делать, поскольку это пустая трата времени, ведь никуда проблемы со здоровьем не денутся и не растворятся в течение пары недель или месяцев — здесь всё довольно серьёзно. Да даже если бы всё каким-то чудом разрешилось в его сторону, и его давление больше не беспокоило ни сейчас, ни потом через много лет, впрочем, он даже и не ощущал в себе ничего критичного, всё равно путь к небу был для него закрыт. А всё из-за этой чёртовой математики и физики!

Нет, он был хорошистом, почти отличником, но вот очень сложно ему давались эти точные науки. Если по физике ещё куда ни шло, даже порой было интересно, но вот с геометрией и алгеброй было всё сложнее и запутаннее. Сами задания по нахождению чего-то, где надо что-то высчитать или находить, сразу же отталкивали его сознание, оно не хотело с этим связываться — было страшно и боязно. Столько цифр, формул, рисунков, чёрточек каких-то и всё это для того, чтобы просто в ответе написать «25» или ещё какое-то число. Логика, мышление, анализ — вот, что даёт математика, но путь к постижению этих столь важных качеств был для него слишком труден, но всё же в конечном итоге поддался, но заниматься этим каждый день на протяжении ещё 4 или 5 лет, он не хотел.

Что же теперь выбрать, когда путь к эксклюзивности и уникальности был для него закрыт? Осталось выбирать между оставшимися вариантами, которых было невообразимо много, но вот достойных «изюминковых» остались в минимальном количестве.

Паровозы, автомобили... может быть, что-то связанное с политикой? Эх, не хватает знаний, хотя хороший был вариант с политическим изюмом, как раз наиболее подходящий из приземлённых к управлению миром.

А может, всё-таки авиация? Пусть не взяли в пилоты и диспетчеры, но всё равно авиация — это роскошь! Но куда? Авиационная безопасность? Что это? Может быть, сюда? Да, точно! Безопасность, да ещё и авиационная — красиво же звучит, как раз таинственно и с изюминкой!

Так он и оказался в этой «эксклюзивной» сфере. Первый в своей семье, без связей и знаний, без представлений о потенциальном будущем и без предположений, какой ему тернистый и, в основном, разочаровывающий путь ему предстоит преодолеть. Он прервал династию в два поколения моряков и начал новую — авиационную!

4

*Детский плач и смеха громкое звучание
Пленит любого, кто сердцем наделён.
Последний прекрасен, как солнца яркое сияние,
А первый печален, как весть, что корабль потоплён.*

Его воспоминания прервал роботизированный суровый женский голос, сообщавший о том, что автобус прибыл на конечную станцию «Аэропорт». Он вышел из автобуса.

Его взгляду сразу представилось неподалеку расположенное огромное здание с бесконечным множеством стёкол, с причудливым фасадом и красивой крышей. Грозный, но в то же время красивый памятник авиаторам возвышался над привокзальной площадью. Пара ярко белых самолётов, пролетающих над двумя красивыми статуями людей в форме гражданской авиации, оставляли за собой спутный след точно так же, как и настоящие авиалайнеры высоко в небе. Люди, находящиеся под этими пролетающими машинами, были пилотами, олицетворяющими всю Авиацию, её детьми и верными слугами. Их взгляды были устремлены вверх и вдаль — в будущее отечественного воздушного флота. С открытыми и яркими глазами и приветливыми улыбками они встречали не только гостей и посетителей аэропорта, но и новый день, вот уже на протяжении нескольких десятков лет.

«Архитекторы и конструкторы — гении, надо же было додуматься, установить памятник, главные персонажи которого смотрят в сторону, откуда на протяжении миллиона лет встаёт Солнце! А как же тот факт, что их расположили прямо напротив главного входа без единых поворотов? По логике и сам длинный вытянутый терминал расположен таким образом, что вход и выход направлен к нашей любимой Звезде. Как же это символично! Неужели до этого всего можно было додуматься во время проектировки всего аэропорта? Гении! А эти самолёты — нестареющая классика, красота и грация — летят туда, к Солнцу, к лучшему будущему! Как это символично! Мастера!»

Такие мысли нередко посещали его, когда он проходил по привокзальной площади к терминалу. И сейчас он глядел на это творение, ещё подсвеченное ярко-белыми прожекторами с золотыми переливами, с гордостью за торжество науки и развитие техники, а два железных красавца отвечали ему сияющим взглядом и белоснежной улыбкой.

Преисполнившись благородными чувствами и зарядившись на очередной рабочий день, он решил, что этого достаточно, ведь он может почти в любой момент к ним подойти и поговорить, как с Иконой, высказать им всё, что накопилось, и они дадут немой совет, который поможет ему справиться со всеми трудностями.

Он прошёл мимо своих кумиров по большой привокзальной площади с множеством деревьев и различных кустарников, с клумбами для цветов, где летом сияют красочные и разноцветные цветочки, но сейчас на их месте лежат большие сугробы, которые продолжают и сейчас постепенно пополняться.

Но вот он уже подошёл к аэровокзалу, перед ним распахнулись механические двери, и сразу в лицо ударил тёплый воздух аэропортового комплекса.

Проходя по небольшому соединительному стеклянному коридору, он снова обратил внимание на приветствовавшего его каждый день робота, реагирующего на движение, в обязанности которого входило лишь генерирование приветствий и предложений помощи в ориентации по терминалу. Таких роботов насчитывалось около одного десятка. Они были разбросаны по всему аэропорту в разных его точках для удобства пассажиров и просто для поднятия настроения юным путешественникам, которые могли подойти и поговорить с искусственным интеллектом и задать любой интересующий вопрос об авиации. Сегодня робот сгенерировал следующее: *«Дорогой путешественник, приятной дороги!»*

После электронного приветствия сразу же высветилась надпись о предложении помощи на нескольких языках: *«Чем могу помочь?»*

Он машинально кивнул в знак приветствия, улыбнулся и прошёл мимо:

— И почему «путешественник»? Почему не «работник»? Почему не «удачной смены, друг»? Ладно, аэропорт — для пассажиров, а не для работников, пусть так», — несколько печально заметил он.

Он зашёл в главный пассажирский терминал международного аэропорта. Освещённое, огромное и массивное здание снаружи выглядело ничуть не менее масштабно, чем внутри — так же всё красиво и гармонично, торжественно и величественно! Гениально!

Он посмотрел на огромные часы в центре зала и ускорил шаг, поняв, что скоро начнётся смена и уже медлить нельзя. Но чтобы добраться до своей службы, необходимо было пройти ещё немалое расстояние и преодолеть несколько препятствий. Первым делом его встретила длинная цепочка аппаратов для входного досмотра.

Эта мера предназначалась для выявления очевидных террористов с явными на то признаками и для пресечения попыток проноса запрещённых предметов и веществ, которые могли быть использованы в качестве оружия для вероломных целей. Не сказать, что эта мера достаточна и на сто процентов эффективна. Ведь никто не мешает какой-нибудь группе лиц собраться, кинуть жребий, выбрать того, кто пойдёт первым или кому предстоит открывать симфонический «концерт» из автоматных очередей, тем самым отвлекая внимание службы безопасности. А во время неотвратимой паники его сообщники смогут пройти или пробежать на территорию аэропорта под видом гражданских и подорвать бомбы уже за линией первичного досмотра, тем самым достигнуть своих целей по количеству жертв.

В то же время никто не мешает и одиночному преступнику совершить свою акцию, находясь в очереди, на этот самый досмотр, и при этом отнять несколько десятков жизней ни в чём не повинных граждан. И будет только рад этому, ведь о нём всё равно заговорит весь мир, его покажут по всем телевизорам страны, пусть он и не увидит своего триумфа, но его тщеславие будет удовлетворено, хотя бы посмертно.

«Поэтому эта мера не совершенна и требует комплексной доработки, но это, во всяком случае, лучше, чем ничего, как это было до относительно недавних трагических событий. И даже запрет на вход в аэровокзал встречающих и провожающих не поможет устранить опасность террористических атак — никто же не может помешать потенциальному террористу купить какой-нибудь билет на самолёт и пройти на территорию аэропорта как пассажир...», — в очередной раз подумал наш герой и подошёл к пункту досмотра.

В это время суток обычно не так много обслуживается рейсов, поэтому не было необходимости открытия дополнительных пунктов. Поэтому сейчас и оставили действующими на проход только три пункта проверки: центральный — близкий ко входу, один слева и также один справа на том же расстоянии. По не осознанному желанию он пошёл на левый.

Перед ним было только три человека и, по всей видимости, они были одной семьёй: двое молодых родителя и белокурый мальчишка лет 7 — 8. Скорее всего, собирались встретить новогодние каникулы на каком-то тёплом курорте — все были одеты в лёгкие зимние вещи, с целью экономии места в багаже и ручной клади, ведь там же тепло, а зимние вещи нужны только здесь! Однако сегодняшнее утро выдалось морозным, и все трое легонько дрожали от недавнего пережитого перехода от автобуса в здание терминала.

Наконец подошла их очередь для досмотра: женщина в форменной одежде, казавшаяся намного старше своих лет с множеством морщин на лице, плохо скрываемыми под косметикой, дряхлым и монотонным голосом буркнула про дальнейшие инструкции, что необходимо предпринять при данной процедуре:

— Все вещи на интроскоп, как показано на картинке, все вещи из карманов — в контейнер, и проходим!

— Мама, мама, а что сейчас будет происходить? — спросил белокурый малыш у такой же мамы.

— Гриша, подожди, пожалуйста, не видишь, что все вещи надо им показывать! Сейчас тётя-охранник на нас будет смотреть, хорошие мы люди или нет! — и быстрыми лихорадочными движениями она пыталась снять с себя нательную маленькую сумочку и поставить на ленту интроскопа.

— Позвольте, не так вы ставите сумку, надо вот так, — молодой человек разместил в правильной проекции дамскую сумочку, — а тебе, мальчуган, необходимо будет снять с плеч своего динозавра и поставить его так же, как я поставил мамин атрибут.

Малыш посмотрел на незнакомца своими большими голубыми глазами, улыбнулся ему в ответ, выполнил все распоряжения и, в конце концов, спросил: «Вот так, правильно, поставил?» И получив в ответ улыбку и большой палец за выполненные действия, уже самостоятельно устремился к рамке, почувствовав, что может сделать всё один и без мамы.

— Гриша, не забудь снять шапку перед рамочкой!

Услышав ещё одну просьбу от добродушного дяди, малыш улыбнулся, снял головной убор и вприпрыжку устремился вслед за своим отцом, который уже ловил с ленты семейные чемоданы.

— Спасибо Вам большое, а то вообще запыхалась, опаздываем как всегда, ничего уже не замечаю, — пролепетала молодая девушка, — а почему именно так нужно устанавливать?

— Ну, Вас, скорее всего, попросили бы переставить сумку, из-за того что на экране ничего не было бы видно, так как у этого аппарата рентгеновские лучи идут не сверху вниз, а справа налево, — улыбаясь, ответил он.

— Ой, как всё сложно... всё равно ничего не понимаю в этом, но спасибо ещё раз.

Он вежливо пропустил даму вперёд, а сам прошёл за ней через рамку — на удивление никто не «зазвенел».

Проходя через аппарат, он вежливо кивнул женщине в форме, которая ответила ему тем же и не слышно почти шёпотом, а, может, и только губами сказала «спасибо». Тем же ответил и мужчина в форме, находящийся за экраном монитора интроскопа.

— Что надо сказать дяде, а, Гриша?

— Спасибо! — весело чуть ли не прокричал мальчишка и сразу же устремил свой взгляд в пасть это страшного монстра, который через несколько мгновений должен был выпустить его динозавра из своих цепких лап.

— Всегда пожалуйста! — и наклонившись прямо к уху мальчика, молодой человек прошептал, — Гриша, запомни, та тётя — это не охранник, а сотрудник службы безопасности аэропорта, очень важная и ответственная профессия! Помни, «сотрудник службы безопасности»!

Оторвавшись от уха мальчишки, удивлённо смотрящего в сторону при этой просьбе незнакомца, загадочный гражданин вежливо и с улыбкой кивнул родителям, с каким-то восхищённым удивлением глядевших на эту сцену, и пошёл дальше по терминалу.

— Что он тебе сказал? — послышался женский голос позади, но он уже не оборачивался и не слышал ответа парнишки.

«Всё равно ничего ты не поймёшь, не единого слова не поймёшь, сын поймёт, а ты нет. Ну, как это может понять человек, который смотрит новости по телевизору, слушает речь «эксперта по авиационной безопасности», который говорит про авиационные двигатели? «Да, у нас вообще авиации нет, все двигатели старые, самолёты не производят, летаем на корытах», — рассуждают они после этого. И эти СМИ, зачем вводят людей в заблуждение? Ну, если сами не знаете, чем отличается авиационная безопасность от безопасности полётов или технической эксплуатации, ну тогда ничего не подписывайте, ничего не говорите, назовите его просто «авиационный эксперт»! Или когда говорят: «Самолёт выкатился за пределы взлётной полосы...»? Нет никакой «взлётной полосы»! Неужели так трудно это понять и разобраться в элементарной терминологии? Есть понятие «взлётно-посадочная полоса» и «лётная полоса»! Зачем обманывать людей? Полный бред! Зато уже женаты, лет 24—26, а мозгов нет! Ну, какой «охранник»? — с досадой думал он. — «И эти ещё: вместо того, чтобы вежливо и чётко изложить требования, что нужно сделать пассажирам, они просто стоят и что-то бурчат себе под нос с недовольным лицом! Еле-еле свои последние 15 минут 12-часовой смены дорабатываете...

Зачем вы сюда ходите, для чего? Ради денег — вот главный смысл, а не ради идеи! Вам бы ставку свою отработать, смену закончить и с облегчением укатить к себе в халупу! Кого берут на такую важную службу? Безответственных, немощных и неподготовленных людей! Позор просто! Рано или поздно это просто так не пройдёт — что-то должно произойти, чтобы началось что-то меняться, как с входным досмотром или загадочным событием «10/12!»

5

*Глушь, болота, пустота:
Даже здесь присутствуют права!
Бал, театр, дивный вид:
Всё Закону подлежит!*

Сколько всего происходит в аэропорту! Столько процессов, микро- и макро- операций, все работники, как муравьи, суетятся, пытаются везде успеть и выполнить все технологические операции, только чтобы их не поругало руководство и выплатило ничтожные премии за безошибочную службу!

Столько техники и современных технологий, столько новых процессов, которые продвинули авиацию далеко вперёд по сравнению с зарождающимися годами, когда она только начинала свой стремительный взлёт!

В аэропорту трудятся тысячи работников, десятки различных служб и подразделений — это единый и неделимый механизм, направленный лишь на то, чтобы обеспечить безопасные полёты и качественно обслужить всех пассажиров. Обслуживание самолётов — это сложное и трудоёмкое мероприятие, пожалуй, даже будет важнее пассажирского сервиса, ведь от этого зависят сотни жизней, в том числе и тех, кто считает, что они в аэропорту главные хозяева и «потребители услуг»!

«Клиент же всегда прав, должны меня подождать», — думают они, когда приезжают в аэропорт за 20 минут до вылета или до последнего сидят в каких-нибудь аэропортовых забегаловках. Как же забавно наблюдать за людьми, которые стоят у окон, выходящих на перрон, и твердят мол: «Ну, вот же он стоит, никуда ещё не улетел, почему я не могу попасть на борт?» Всё для них же!

Да, воздушное судно — главное для аэропорта. Его прилёт, вылет, обслуживание — всё тщательным образом рассчитывается, документируется и регламентируется, проводятся все необходимые мероприятия по обеспечению технической готовности судна к полёту. А задержится один самолёт на стоянке, другой будет стоять ждать на перроне, третий — на рулёжной дорожке, четвёртого пустят катить дальше по перрону, пятого и вовсе отправят на второй круг... только из-за одного опаздывающего «клиента», который «всегда прав»!

Всё проверяется, всё налаживается, всё отрабатывается до мельчайших подробностей. Множество документов, сотни часов обучения и экзаменов, тысячи научных работ по разным тематикам, дополнительные страхующие мероприятия и механизмы, новые технологии, которые намного надёжнее человека!

«И они ещё боятся летать?» — подумал он, проходя мимо толпы народу, выстроенной длинной очередью перед несколькими стойками регистрации, обслуживающими какое-то южное направление.

— Милый, ну вот ты как всегда, ничего не доделываешь, всё приходится за тебя переделывать, кто же так складывает чемодан? — вдруг раздался рядом женский голос.

«Хм, опять перевес, не хотят платить, надо же взять, как можно больше вещей, да ещё в жаркие страны», — усмехнулся он.

А действительно же, «как всегда» и «не доделываешь» — самые страшные слова в авиации! Именно в результате них и происходит большинство происшествий: кто-то что-то где-то недоглядел, недосмотрел, не докрутил, не проверил. Как всегда отвлёкся, как всегда подумал, что кто-то тщательнее проверит за него в другом аэропорту, и если есть ошибка или неполадка, то её устранят там, у них, а здесь пусть будет так — как-нибудь долетят. «У нас времени нет этим заниматься, штрафы за задержки драконовские!» А если даже и заметили неисправность, то нельзя исключать принципа: «А, и так сойдёт!»

«Как же страшно это звучит, однако!» — подумал он. — «Ведь накопление ошибок неизбежно ведёт к катастрофе! А экипажи? Тоже что ли так могут? Да вполне! Сколько же случаев было, когда пилоты, что-то не доглядели, что-то упустили. Где-то чашку с кофе на экраны пролили. Где-то командир не послушал второго пилота, или второй просто побоялся сказать первому, чтобы не ставить под сомнение его опыт, где-то оба уснули, кто-то пришёл на рейс под наркотиками, кто-то просто захотел покончить с собой, унеся в другой мир при этом ещё полтораста пассажиров... Как же страшно! Человек, человек и ещё раз человек! Самое слабое звено в авиации, но при этом самое гибкое, если техника даёт сбой. А чтобы она не подводила, нужно своевременно её чинить и ремонтировать, прорабатывать и продумывать — и тут снова есть человек!»

Он сам лично через свои рабочие каналы не единожды слышал истории, как пилоты намеренно не сообщают авиакомпаниям о проблемах на своих самолётах, потому что им так сказали, чтобы было меньше расходов. Руководство... и опять человек — везде он!

«Зачастую руководство очень сильно оторвано от реальности, люди наверху не видят или не хотят видеть того, что происходит у них под ногами, там — около плинтуса. Здесь их „драгоценные“ подчинённые, которые непосредственно приносят им доход. Они, быть может, даже не знают о существовании такого дяди, который всем управляет, в том числе их зарплатами и социальным обеспечением. „Руководство“ — очень обширное понятие, а мы их даже в лицо не знаем! А может, вообще никого *Руководства* и нет вовсе?.. В любом случае, откуда-то же поступают приказы и распоряжения, издаются законы и правила... такие порой бессмысленные, оторванные от реальности, что и приводит к недопониманиям со стороны работников, а, следовательно, к ошибкам, авариям и катастрофам. Неправильная и оторванная от действительности организация деятельности неминуемо ведёт к полному фиаско! Неужели это так трудно понять?»

— Эх, как же много мыслей, просто разрывают мозг! — шёпотом произнёс он. — А это ещё и работа не началась!

6

*Взгляд, искра, любовь —
Страх и стресс для организма.
Любой наркотик вызывает боль,
А бездушие — вверх человеческого цинизма.*

Он подошёл к пункту уже предполётного досмотра. Здесь к пассажирам нет уже никаких поблажек, всё работает на 100%, ни одна скрепка не должна пройти незамеченной. Ни в рюкзаке, ни на теле человека. Чувствительность восприятия металла у стационарных металлодетекторов выкручена на максимум. Здесь необходима повышенная концентрация всех работников службы авиационной или транспортной безопасности. Они должны трудиться не покладая рук и в поте лица своего только для того, чтобы не пропустить запрещённые к провозу вещества и опасные предметы на борт самолёта.

Все маленькие шестерёнки огромного механизма работают, внимательно следят за каждым движением пассажира, за каждым элементом ручной клади, за каждой вещью в сумках, используя самые современные технологии и последние наработки учёных и изобретателей. А отдыхают только потому, что так положено по документам! Если бы не они, проклятые, то все сотрудники трудились бы всю свою смену без отдыха и питания, только чтобы пассажиру было комфортно и спокойно. Они не жалели бы себя, защищая эту гордую и престижную сферу жизнедеятельности человека — Авиацию!

Как жаль, что это только слова на бумаге и заявления в превосходных отчётах об удовлетворённости и хорошей деятельности персонала Аэропорта. Хвалебные отклики и высокие слова на сайтах по поиску работы, роскошные и красочные интервью первый лиц Руководства для каких-нибудь газет или телеканалов. «На самом же деле всё не так радужно и прекрасно», — постоянно твердил он своим знакомым.

— Лера, привет! Что стоишь, глаза потупив? — неожиданный женский голос вернул его в действительность.

— Лера, Лера, ты что оглох? — вновь раздался противный писклявый голос.

— «Ва» забыла добавить! — послышался ответ.

— Что ты сказал?

— Для тебя я — «Валерий», в крайнем случае — «Валера», но не больше! — огрызнулся он, прикладывая свой пропуск к считывающему устройству контроля и управления доступом в аэропорту.

— Ой, какие мы сегодня раздражительные! Не выспались что ли, неужели кто-то помешал? — вновь иронично и саркастически пропищал голос, исходящий из уст маленькой полноватой женщины средних лет, с некрасивой рыжей чёлкой, спадающей на левый глаз, практически полностью закрывая его так, что её владелице постоянно приходилось поправлять эту прядь. От неё пахло дешёвыми духами, и явно бросалось в глаза, что форму сотрудника безопасности ей давно пора менять на что-то более просторное или начать попросить новый комплект у соответствующего отдела аэропорта. Однако она на это всё не решалась, ведь тогда необходимо было бы отдавать добрую четверть своего ежемесячного заработка. Поскольку сроки ношения формы по нормативам ещё не истекли, бесплатной замене такая одежда не подлежала, а одинокой женщине с ребёнком и 20-летней ипотекой было проблематично отказываться от столь ей необходимых полутра десятков тысяч.

— Это тебя точно касаться не должно да и никогда не касалось, в принципе! — отрезал Валерий и пошёл дальше по стеклянному туннелю до пункта досмотра сотрудников аэропорта, чувствуя при этом пожирающий его спину взгляд местной сплетницы.

Отдельный пункт досмотра предназначался для действующих сотрудников аэропорта, у которых имелся соответствующий допуск в «чистую зону», где и находились прошедшие предполётный досмотр вылетающие пассажиры, а также рабочие кабинеты большинства оперативных служб.

Отдельным пункт сделали для удобства самих сотрудников, т.к. здесь уже все и всё знают, что надо делать, и какие мероприятия предстоят. У них всё происходит уже на автомате, в отличие от пассажиров, которые по несколько раз проходят через рамку и постоянно «звенят», от чего создаются приличные очереди. Сюда также иногда допускаются маломобильные пассажиры и семьи с младенцами и колясками, чтобы облегчить их путь до самого выхода на посадку. Однако это была только лишь рекомендация, в аэропорту не существовало чётких инструкций, когда человека можно приглашать на служебный пункт досмотра, а когда оставлять с общей массой — всё перекладывалось на старшего инспектора по смене, и от его решений и указаний зависела дальнейшая работа пункта в следующие 12 часов.

Проработав 1,5 года в качестве старшего по смене в службе авиационной безопасности, Валера не раз указывал на несовершенство данного взаимодействия — он хотел ввести прин-

цип «либо всех, либо никого», не выделяя при этом младенцев или подростков с инвалидами. Либо все дети до 14 и любого статуса инвалиды проходят через отдельный пункт вместе с сотрудниками, либо данная привилегия остаётся только для персонала.

Был и альтернативный вариант: выделить ещё один дополнительный досмотровый комплекс исключительно для таких категорий граждан, отделяя его от общей толпы и сотрудников специальными лентами и многочисленными знаками. Но все его предложения ложились под неумолимый каток бюрократической машины, которая всё оттягивала и оттягивала решений данной проблемы, так и не решив её, и, в конечном итоге, выкинула это предложение в архив после перевода его создателя в другую службу.

Сегодня на привилегированном пункте было пусто — нынешний старший смены был решительно против смешения персонала и обычных «людишек» — так он у себя в камере иногда называл надоедливых и непонятливых пассажиров.

Кладя свою рабочую сумку с кучей ценных бумаг на ленту интроскопа, он кинул быстрый взгляд на сегодняшнюю смену: «Ага, третья, значит, сегодня здесь должна быть она...», — быстро пронеслось в голове.

И действительно, не успев положить пальто в ящик для вещей, он встретился взглядом с той самой, о которой он подумал пару секунд назад и не видел добрые 48 часов.

«Так вот почему эта кикимора на меня взъелась, всё понятно: увидела её, вспомнила обо мне и решила уколоть этими словами „кто-то помешал“. Да это чучело вообще не соображает, что говорит. Как мне мог помешать человек, который всю ночь работал в аэропорту, а я спал дома? Совсем с катушек слетела под конец смены... ну, держись, я всё запомню!» — быстро пролетело в мыслях у Валеры, и он моментально сделал счастливое лицо, повернувшись к той самой, с которой у него, возможно, зарождался служебный роман.

Это была яркая брюнетка с красивым милым личиком и выразительными глазами. Щёки были немного пухленькими, как и красивые накрашенные бордовой помадой губы, за которыми скрывались не самые красивые, но и не самые плохие белые зубы. Отличительной чертой у неё была родинка справа на шее, которая так и приковывала взгляд, когда уже по негласному этикету время, отведённое на мимолётный взгляд глаза-в-глаза, исчерпывалось.

Фигура её не привлекала какими-то пышными формами или излишней полнотой, немного в талии наблюдались некоторые лишние объёмы, не позволяющие назвать фигуру идеальной, однако всё было гармонично и тем наиболее привлекательно скрыто под новенькой красивой форменной одеждой сотрудника службы безопасности.

Оля, так звали девушку, пришла в службу около полугода назад, проучившись при этом 3 месяца в качестве стажёра, и не имеющая при этом профильного авиационного образования, что, в сущности, всегда выворачивало Валеру изнутри, когда в аэропорт приходили люди без каких-либо знаний в области авиации.

«Ну, вот зачем им всё это? Почему им не устроиться в какой-нибудь морской порт? Авиация — это же совсем иное, непохожая на другие отрасли отдельная жизнь и судьба, — рассуждал он, когда речь заходила об „иноземцах“. Так он ласково называл людей, пришедших в авиацию из других сфер. — А всё потому, что выпускники авиационных учебных заведений после обучения ввиду разных причин не желают связывать свою жизнь с воздушным транспортом. А аэропортам нужны люди для удовлетворения возрастающего спроса. Поэтому они и заманивают вот таких, а потом ссылают в законное рабство за крохотные гроши. А эти за неимением альтернативы и бегут, как бедняги в мышеловку».

Оля была именно такой и не могла быть исключением в его категоричном отношении к таким субъектам, даже не смотря на её красоту и возможные открывающиеся перед ним перспективы.

Они мило поприветствовали друг друга, улыбнувшись при этом несуразными улыбками, и как назло смущённый Валера «зазвенел», а Оле пришлось применять всё искусство сотру-

ника авиационной безопасности по работе с ручным металлоискателем, чтобы обнаружить тот самый предмет, который послужил поводом задержки Валеры около неё.

Проводя лёгким и небольшим прибором вдоль тела и немного касаясь одежды, Оля смотрела за движением своей руки, поэтому её взгляд не мог не падать на хорошо сложенную и спортивную фигуру Валерия, который, в своё время ощущал прикосновение бездушного прибора, принимая его за прикосновение руки милой девушки в форме.

«Неужели она та самая?» — подумал он.

Как оказалось, предметом, повлиявшим на небольшую задержку и одновременно с этим появление неловкого чувства, стал ремень, который Валера благополучно забыл снять перед проходом через рамку металлоискателя.

— Сегодня также, в два? — спросила игривым голосом Оля.

— Да, давай также, буду тебя ждать.

Такими простыми фразами был назначен уже третий по счёту рабочий обед в служебной столовой.

Приведя себя в порядок и забрав с ленты интроскопа свой чемоданчик и пальто, Валера по привычке остановился около выхода из пункта досмотра и обернулся, чтобы посмотреть на кипящую работу шестерёнок, обеспечивающих работу огромного механизма под названием «обеспечение авиационной безопасности».

Как же красиво всё: работают, трудятся на благо страны, на благо авиации. И как жаль, что это только внешне, а если копнуть поглубже — что ты там найдёшь? Яму, если не пропасть!

Вот сотрудник, сидящий за интроскопом, с улыбкой взял телефон, что-то кому-то написал, а если он в этот момент пропустил аэрозольный баллон или того хуже — порошкообразное вещество, которое способно детонировать при правильном подходе и разорвать обшивку самолёта?

Вот сотрудник у рамки отвернулся зевнуть, чтобы пассажиры не видели его искривлённую физиономию (это же противоречит требованиям этикета и правил при обслуживании пассажиров), в то время как к рамке подходил очередной «испытываемый». Хорошо, что он не «зазвенел», но это же не значит, что он «чист»! Да, он «чист» в том плане, что на нём или у него нет ничего запрещённого, но это же не значит, что в его мыслях и намерениях нет ничего опасного.

Всего лишь один профессиональный взгляд может дать огромную информацию о пассажире, а как её можно получить, если «охранник» отвернулся именно в тот момент, когда надо было повысить своё внимание?

Вот происходит смена сотрудников: кто-то идёт отдыхать, а кто-то вновь готов приступить к работе после короткого перерыва, или просто меняются местами для переключения внимания. Всё хорошо, все улыбаются, приветствуют друг друга, желают приятного аппетита или хорошей работы, атмосфера в смене просто замечательная, но пассажиры идут и идут, поток не прекращается. Количество ручной клади увеличивается, люди торопятся, не знают, что делать и всё это на фоне смены «почётного караула».

А эта смена смотрителя загадочной и чудной машины? Как она происходит? Пришёл один, встал другой и ушёл, сел первый, и работа продолжилась. Почему полётный диспетчер прежде, чем заменить своего боевого товарища, анализирует и запоминает текущую ситуацию в небе? Почему «безопасники» не действуют также? Ведь нужно время, чтобы глаз вновь привык к разноцветным картинкам и разным конфигурациям! Но сейчас такого не происходит.

Людей постоянно не хватает. Норматив смены вида деятельности каждые 20 минут работает через раз, если ещё не реже. Кто-то после рамки может пойти отдыхать, а кто-то сядет перед монитором, а после монитора вновь заступит на рамку. Усталость копится, внимание снижается, глаза болят, нервы подводят, а прошла только половина смены, например.

В конечном итоге, кто может дать гарантию, что все сотрудники аэропорта чисты и благородны? Ведь аэропорт — это большая семья, в которой, как и в обычных союзах, происходят ссоры и скандалы, любовь и предательства. Здесь, как и в любом обществе витают разные политические мысли и взгляды, местами господствует депрессия или преступные замыслы. Это же очевидно. Кто их здесь проверяет? Кто же мешает одному сотруднику подставить другого или сделать что-то назло? А если мыслить шире — кто мешает тому же сотруднику авиационной безопасности передавать служебную информацию посторонним, которые могут разными способами ею воспользоваться для своих страшных целей? В конце концов, кто мешает сотруднику на интроскопе специально отвернуться или закрыть глаза, когда там едет «нужная» сумка, а потом прийти домой, посмотреть выпуск новостей про ужасающий теракт, кивнуть, улыбнуться, открыть окно и сделать шаг в пропасть? Никто не мешает!

«Это просто так не пройдёт, когда-нибудь найдётся тот, кто обойдёт эту неприступную на бумаге систему и совершит то, от чего волосы дыбом встанут! Чтобы что-то поменялось, нужен повод, без него так всё и будет продолжаться», — подумал в очередной раз Валера, взглянул на часы, по-армейски повернулся и зашагал к своему рабочему кабинету.

7

*Одна ступень, но власти больше
Одни палаты, но простор другой.
Есть молодые Боги, а есть Пираты старшие:
В любом Обществе закон именно такой.*

«Инспекция по безопасности полётов» — красивым шрифтом позолоченными буквами было выведено на отполированной белоснежной гранитной табличке у одной из дверей бесчисленных аэропортовых кабинетов. Перед ней и остановился наш герой опять в печальных раздумьях.

«Безопасность полётов — состояние, при котором риски, связанные с авиационной деятельностью, относящейся к эксплуатации воздушных судов или непосредственно обеспечивающей такую эксплуатацию, снижены до приемлемого уровня и контролируются»

Отчуждённая в университете фраза всегда возникала в голове у Валеры, когда он подходил к своему рабочему кабинету. Он поднял голову и вновь увидел своеобразный баннер, созданный по указанию аэропортового руководства содержащий следующие слова: «Безопасность — превыше всего!»

Он располагался над тремя окошками, принадлежащими его Инспекции, и красивый плакат был повешен так, чтобы его было видно пассажирам, находящимся в зале ожидания или мирно попивающим кофеёк в одной из аэропортовых забегаловок.

«Очередные громкие слова и выражения, а, по сути, никому и дела нет на эту безопасность: ни пассажирам, ни работникам, как это бы печально и не звучало! „Превыше всего“ — смешно звучит!» — иронично закончил он и со вздохом открыл красивую деревянную дверь.

Тёплый воздух, исходящий от нескольких батарей и переносных обогревателей, вырываясь из помещения, встретил его резким ударом по всему телу.

Он прошёл по уютно расставленной и мебелированной комнате и подошёл к своему также эргономично обустроенному рабочему месту. На столе у него располагался компьютер, несколько стопок аккуратно сложенных папок с документами, разбитым по определённым тематикам, и красивый рабочий календарик-ежедневник, на котором были проставлены определённые пометки по сделанным или ещё недоработанным делам.

Рядом со столом располагалось уютное кожаное кресло, а на стене красовалась табличка, примерно такая же, что и перед самым кабинетом, только здесь гордыми буквами красовалась надпись: «Инспектор-аналитик». Он с гордостью улыбнулся, опустил в своё кресло и начал извлекать содержимое из своего чемоданчика, аккуратно добавляя документы к папкам с разными тематиками, расположенным на столе.

После такой кропотливой работы он перевернул очередной день на календаре-еженедельнике, где обнаружилось 4 надписи, содержащие названия тех происшествий, по которым в данный день должны были быть готовы документальные отчёты, направлявшиеся после этого вышестоящему руководству и в государственные органы для принятия соответствующих мер. Эти надписи содержали следующее:

- «1. Отчёт. Столкновение 2 ВС.*
- 2. Отчёт. Инцидент. Тягач + ВС.*
- 3. Отчёт. Грузовик + здание = столкновение. (Рекомендация мер — записка).*
- 4. Отчёт. Птица + носовой обтекатель + фюзеляж + двигатель?»*

Первая надпись была жирно обведена красными чернилами, и рядом с ней красовались такие же три восклицательных знака.

Остальные были практически рядовыми случаями, для которых были подготовлены общепризнанные шаблоны, где надо было просто вставить нужную информацию и немного предметно описать случившиеся события.

Вся его работа, как инспектора-аналитика, заключалась в нескольких вещах: подготовка отчётной документации по авиационным или дорожным событиям, происходящим на территории аэродрома, анализ состояния безопасности полётов в зоне ответственности аэропорта, а также контроль за показателями эффективности, принимаемых корректирующих мер, направленных на обеспечение безопасности полётов. В его обязанности также входило составление и проведение обучающих программ для персонала всего аэропорта в области безопасности полётов, а иногда и общей защищённости и сохранности.

Последнее — самое скучное занятие — он старался всегда избегать и перекладывал его на других двух таких же инспекторов-аналитиков. Взамен этого он при любой удобной возможности просился на место происшествия и одним из первых прибывал туда, если было дано такое разрешение.

В любом случае, он должен там был появляться, но позже, вместе с остальными службами, в первую очередь, для составления этих скучных отчётов.

Обычно первыми на место аварии или чего-то необычного прибывали его коллеги из другой части кабинета — инженер-инспекторы, которые, как дорожные полицейские, первые фиксировали все детали происшествия, а затем уже для расследования этого события направляли необходимый материал своим коллегам в другую часть кабинета. Это была именно та работа, которая так привлекала Валерия, и он искренно стремился туда попасть и пробиться в эту, как ему казалось, «элиту» Инспекции по безопасности полётов, которая работает везде и «на земле», а не только пишет скучные и никому не нужные отчёты.

Он чувствовал, что пройдёт совсем немного времени, когда он будет переведён в другую часть кабинета с гордыми табличками «Инженер-инспектор», именно поэтому он обычно приходил на полчаса раньше положенного срока и покидал кабинет позже остальных. Однако он не забывал, что и эта ступень должна стать лишь временным этапом его продвижения по карьерной лестнице, но никак не пределом мечтаний.

Он вновь посмотрел на кучки аккуратно сложенных папок, перевёл взгляд на настенную картину, которая, в сущности, представляла фотографию Аэропорта с высоты птичьего полёта,

и вновь его взгляд упал на календарик-ежедневник. Так он просидел ещё доброе количество времени, витая в своих высоких мыслях.

— В конце концов, первое у меня готово, надо только дописать и всё ещё раз проверить, — шёпотом проговорил Валера. — Но оно и самое важное, а я сейчас не готов этим заниматься, надо разогреться.

Разогрев для Валеры заключался в выходе на аэродром с последующим выполнением каких-то примитивных, но при этом необходимых операций.

— Да, надо проехаться, у меня ещё куча времени! — произнёс он вслух и раскрыл шкаф с фирменными пуховиками Инспекции.

Одевшись, нацепив при этом яркий ядовитый жилет и надев пропуск, он вышел из кабинета и устремился к первому ближайшему наземному выходу на перрон.

8

*Простор, полёты, счастье:
Летит орлан на небе голубом.
Облака, осадки, жуткое ненастье:
Птица ушла на аэродром.*

Валере иногда очень сильно везло. Ни то из-за его предначертанного где-то *Там* пути, ни то из-за его сверхпродуктивной работы и ответственного подхода к выполнению поставленных задач. Хотя и последнее можно смело приписывать к сверхъестественным силам и Великой Судьбе, в которую он верил, являясь убеждённым фаталистом.

Вот и сейчас, не проработав и одного года в Инспекции, он был переведён на инспектирование и контроль международных линий, что доставалось далеко не всем новичкам. Поэтому он был направлен в другую часть аэровокзального комплекса, где для удобства и экономии времени и средств располагался отдельный кабинет для сотрудников Инспекции, занимающихся международными полётами. Однако иногда случались ситуации, когда «международники» помогали своим коллегам с внутренних линий при повышенной нагрузке на ресурсы Аэропорта в пиковые и сезонные периоды выполнения полётов. При этом дорожные события, не связанные с воздушными судами, инспекторами из разных отделов делились поровну, но отчёты, в основном, перекладывались на международное крыло.

Проходя мимо толпы пассажиров, ожидающих открытия выхода на посадку, он всегда с гордой улыбкой поправлял свою служебную форму и продолжал движение, не обращая внимания на восхищённых ребятишек или женщин, которые не отрывали от него своего любопытного взгляда.

«Думают, наверное, что я пилот?» — иногда проскакивало у него в голове, — «Ну, может быть, как разница, пусть думают, а я лучше пилота!»

Так же было и сейчас, спускаясь на этаж, откуда людей забирают перронные автобусы. Здесь толпилась добрая сотня ожидающих пассажиров на какой-то очередной международный рейс в тёплые страны.

Спускаясь по ступенькам лестницы, он кинул взгляд на ожидающую толпу, а та ответила ему тем же. В этом закоулке было 5 выходов, но сейчас функционировал только один.

Валера снова ощутил на себе любопытные взгляды и, немного задрав голову вверх, устремился к ещё закрытой двери, ведущей на морозный и местами заснеженный перрон.

— Мама, смотри, он, оказывается, пилот! — вдруг в толпе раздался радостный детский голосок, принадлежащий мальчику 7 — 8 лет от роду.

— Гриша, води себя культурнее, — прозвучал мягкий голос отца семейства.

Валера, протиснувшись через завал ручной клади, оставленной на полу в ожидании полёта, подошёл к мальчугану и с улыбкой протянул руку:

— Гриша, вот так встреча, а я думал, что вы уже улетели!

— Нет, дядя-пилот, мы ещё ждём наш автобус, который должен нас отвести к самолёту.

Валера с гордостью поправил фирменную шапку-ушанку, чем-то отдалённо напоминающую пилотскую фуражку.

— Нет, дорогой друг, я не летаю.

— А чем вы занимаетесь тогда? — поинтересовалась молодая мама.

«Внимание пассажирам, вылетающим рейсом 368! Начинается посадка, просим вас приготовить паспорт и посадочный талон. Выход — номер 4», — доложил роботизированный голос.

Валера наклонился к Грише и шёпотом спросил:

— Ты помнишь, что я тебе говорил?

— Да, — также шёпотом произнёс белокурый мальчишка, — та тётя — не охранник, а сотрудник... — Гриша замялся, постоял некоторое время в замешательстве, — а сотрудник...

— Слу... — немного помог Валера.

— Службы безопасности аэропорта! — радостно выкрикнул Гриша. — Очень важная и ответственная работа! — закончил он.

— Молодец какой, держи! — Валера со счастливой улыбкой на лице протянул мальчику руку, а тот с восхищением хлопнул по ней своей маленькой ручонкой.

— Стойте здесь, подождите меня, не проходите дальше, — сказал он белокурой девушке.

Ему очень хотелось что-то сделать для этого очаровательного мальчишки, из которого при должном отношении и образовании мог получиться грамотный специалист и ответственный гражданин. Но что может сделать инспектор, если они уже через 40 минут будут на высоте 10 тысяч метров?

Промелькнула мысль.

«Нет, это невозможно, также нельзя. Если узнают, то мне никогда не видать новой должности, следовательно, и дальнейший путь будет закрыт...», — некоторое время подумал он.

— Ладно, будь, что будет, но я определённо хочу что-то сделать, вдруг никто не узнает, — шёпотом про себя проговорил инспектор.

Он круто повернулся на каблуках и пошёл к выходу на посадку номер 4, при этом сделав многозначительный знак в сторону молодой семьи.

Валера подошёл к стеклянной двери, приложил пропуск и вышел на леденящий перрон. Пройдя несколько десятков метров, он достал из кармана фирменного пуховика ключи от какого-то автомобиля и нажал на кнопку открытия дверей. Замигали огоньки у новенького белого электромобиля.

— Да, отлично, поеду на такой! — вслух вырвалось у аналитика.

Он сел в машину, взял тангенту от стационарной радиостанции и вышел в эфир:

— АДЦ, инспектору ИБП, машина номер 5.

— Инспектор ИБП, административно-диспетчерский центр на связи.

— Скажите, пожалуйста, номер стоянки самолёта рейса 368 зелёно-жёлтая а/к.

— Стоянка номер 53.

— АДЦ, спасибо!

— Всегда пожалуйста, инспектор, с какой целью поинтересовались?

— Разминка обычная.

На другом конце провода голос усмехнулся и с улыбкой произнёс:

— Хорошей разминки и удачной «охоты», инспектор!

— Спасибо, АДЦ! — также с улыбкой на губах произнёс Валерий, узнавший голос своего знакомого, с которым он в своё время играл в футбол за университетскую сборную. Сейчас

они, как коллеги, старались хотя бы как-то поддерживать связь через деловое общение, при этом работая в разных частях аэродрома.

Довольный дальней стоянкой Валерий вышел из машины и устремился к выходу номер 4.

«А как я его до машины доведу? Здесь же куча камер! А если в центре оперативного управления заметят? Что тогда?»

Он остановился, немного колеблясь, посмотрел на неспешно заполняющийся первый перронный автобус и вновь вслух произнёс:

— Будь, что будет! — и зашёл обратно в терминал.

Он вновь увидел длинную очередь, как будто бы несколько не уменьшившуюся за то время, пока выяснялась локация зелёно-жёлтого самолёта, который должен был через несколько часов доставить Гришу в тёплую часть земного шара.

Валера глазами нашёл в толпе молодую семью с белокурым мальчиком во главе. Они встретились взглядом, и Валера махнул рукой с просьбой подойти к нему.

— Ваш самолёт находится на дальней стоянке, к нему придётся долго ехать на автобусе. Если вы не против, позвольте мне самому довести Гришу до самолёта? — спросил он у мамы мальчика.

Родители удивлённо переглянулись и вновь, как обезумевшие, уставились на него.

— Это как? — вырвалось у молодого отца семейства.

— Просто, — с улыбкой отозвался инспектор. — Вы — на автобусе со всеми, а он — со мной на машине, эксклюзивно и необычно.

— А... разве так можно? — неуверенно произнёс папаша.

— Это уже мои заботы! Ну, так что, позвольте?

Гриша только сейчас понял, что его, возможно, ожидает и с радостными криками и глазами начал кланяться разрешение от мамы, искривляясь в различных позах и нервно дёргая ручками за куртку.

— Гриша, если продолжишь так себя вести, поездка отменяется! Родители должны сами принять решение! — строго проговорил Валерий.

— Простите, — потупив голову и быстро успокоившись, произнёс мальчуган.

— Ну, так что? Время идёт! — напомнил Валера, повернувшись обратно к молодой парочке.

Последняя вновь удивлённо переглянулась и, обменявшись немymi вопросами и такими же ответами, дала добро на такое авантюрное путешествие со словами:

— Ну, раз Вы предлагаете и берёте на себя ответственность, то пусть сын увидит аэропорт с другой, неожиданной для всех стороны.

«Никогда ничего не просите у более сильных и могущественных, они сами всё предложат» — фраза Булгакова, сказанная от имени одного из персонажей легендарной книги, моментально промелькнула в голове у молодого инспектора, и тут же сменилась мыслями:

«Неужели они её знают и так думают? Нет, маловероятно, просто сказала, но сама так не считает. Ей вообще всё равно, что происходит, главное для нее сейчас — это море, курорт, фотографии в социальных сетях, а всё остальное — побоку!»

При общении, когда появлялись сомнения в искренности слов своего оппонента либо когда он хотел докопаться до истинных мотивов и причин поведения, он всегда шурился и вглядывался в своего собеседника, чтобы попытаться найти подтверждение или опровержение своим мыслям. То же самое было и сейчас. Устремив свой хитрый взгляд, при этом немного отдалившись от своего собеседника и чуть задрвав свой острый подбородок, он в течение невероятно малого количества времени анализировал свои догадки и сравнивал их с невербальными признаками своей «жертвы». Молоденькая девушка стала именно жертвой в невидимых тисках этого стремительного коршуна, который всем своим видом показывал своё превосход-

ство. Закончив свой анализ, он чуть видно усмехнулся и с откровенной дружелюбной улыбкой поблагодарил за оказанное ему доверие.

— Бери свой паспорт и посадочный талон и проходи, — произнёс Валера, обращаясь к Грише, указывая на стойку, где представитель авиакомпании последний раз проверял документы и сканировал посадочные талоны, чтобы определить окончательное число явившихся пассажиров.

Молодые родители пошли в конец очереди, а мальчик с инспектором остался стоять прямо около выхода на посадку.

— Прходи, не бойся! — и Валера слегка подтолкнул его в самое начало длинной вереницы людей.

Толпа несколько удивлённо остановилась и пропустила вперёд себя мужчину в форменном обмундировании и мальчишку. Удивлённая девушка-агент также не проронила ни слова и молча выполнила свои обязанности, несколько даже боязливо, поглядывая на человека из Инспекции по безопасности полётов.

Гришиному восторгу не было предела: мало того, что он понравился какому-то странному, но очень могущественному дяде, так ещё он сейчас поедет не как все обычные пассажиры, а как исключительный и избранный, так ещё и на самолёты посмотрит и узнает много нового. Определённо будет, что рассказать своим друзьям в школе, когда они встретятся после каникул.

— Так, Григорий, — официально начал Валерий, — аэродром — это не шутки, здесь нельзя баловаться и плохо себя вести! Мы сейчас пойдём к машине, ни шагу от меня, никаких резких движений, никаких подпрыгиваний и беготни — идём спокойно! Ты хорошо всё понял?

Улыбка моментально куда-то улетучилась, лицо мальчика в мгновение приняло серьёзный, но в то же время любознательный вид. Он успокоился.

— Да, всё будет хорошо, — промолвил он.

— Вот и молодец, пойдём.

Впрочем, на аэродроме никто не запрещал бегать или громко разговаривать, но инспектору важно было показать, пусть и умному от природы мальчику, что вести себя нужно культурно и осторожно, особенно в зоне повышенной опасности. Однако, нужно сказать, он просто боялся, что они с мальчиком, потерявшим голову от упавшего не Бог весть откуда неожиданного счастья, привлекут чьё-то внимание, и тогда его ждут неизвестные последствия.

— Гриша, это машина инспектора по безопасности полётов, ничего здесь не трогай. Ни звука, когда я выхожу в эфир и связываюсь с вышкой, а то головы полетят у нас обоих! — такой краткий инструктаж провёл Валерий, усаживаясь в ещё не прогретую машину.

Впрочем, Грише уже не надо было объяснять правила поведения, ему хватило двух жёстких речей загадочного дяди, что с ним шутки плохи.

Однако его любознательность и счастливое состояние после строгих наставлений никуда не улетучились, а только наоборот усилились, и он с ясностью принял тот факт, что происходящее вокруг имеет огромное значение, а дисциплина и порядок в аэропорту будет пожестче, чем в школе.

Даже интерьер и внутреннее убранство машины отличалось от обычных автомобилей, которые ездили по обычным дорогам, в том числе, и от той, на которой он каждый день ездил в школу с мамой. Мальчик всё жадно пожирал глазами и задавал немые вопросы, не решаясь спросить это вслух, чтобы не рассердить своего покровителя.

Валера уловил те сигналы, которые посылал ему мальчик, и решил, что времени у них достаточно и можно вкратце рассказать, что к чему. Заведя машину, чтобы та не стояла просто так, а хотя бы как-то прогрелась на все ещё усиливающимся утреннем морозе, он начал показывать мальчугану различные кнопки и рассказывать про само устройство специального автомобиля.

— Здесь включается мигалка, она нужна всегда, когда машина едет по важным делам или выполняет какую-то работу. Особенно при выезде на особо опасные участки в виде лётной полосы или рулёжных дорожек. Также она необходима в густые туманы или сильные осадки. Это — радиостанция, по ней поддерживается связь с вышкой, — он показал рукой на большое вытянутое вверх здание с множеством окон и антенн, — а также с другими службами при необходимости. Здесь включается акустическая система, которая может отпугивать птиц, хотя мы целенаправленно и не занимаемся этим, поскольку в аэропорту есть специальная на то служба, но на всякий критический случай у нас она есть. Это, — он достал маленькую коробочку, — патроны для ракетницы, которая нужна тоже в самых экстренных случаях для привлечения внимания, а также для отпугивания птиц и животных, которые иногда к нам заходят в гости.

Он ещё несколько минут довольно подробно рассказывал, что и зачем нужно, при этом поглядывая в заднее зеркало на автобус, который до сих пор оставался неподвижным, но уже полностью заполненным. Когда рассказ о машине и базовых принципах работы подошёл к концу, он достал планшет, на котором показывалась подробная карта перронов, где в режиме реального времени отображалась краткая информация о передвижениях различного транспорта и служб в виде красивых точек и линий. Также здесь показывались движущиеся и стоящие на стоянках самолёты, за обслуживанием которых можно было наблюдать через подключение к камерам видеонаблюдения на мачтах освещения.

— Сейчас будешь штурманом, держи, будешь контролировать наш маршрут. Нам надо вот сюда, а мы вот здесь, — Валерий два раза ткнул фирменной ручкой в экран новенького планшета, при этом указав самый длинный по расстоянию и наименее рациональный маршрут, чтобы прибыть на место стоянки самолёта после автобуса, который уже вот-вот начинал своё неспешное движение.

Всё это время Гриша сидел тише воды и ниже травы, боясь проронить даже какой-нибудь незначительный звук. Однако при этом жадно впитывал новую для себя информацию.

— Ну что, поехали?

— Да, — тихонько произнёс мальчик.

— Ты спрашивай, если что, не стесняйся.

— Хорошо.

И вот красивая белая машина тронулась в долгожданный путь. Погода оставалось такой же сложной, но контролируемой и вполне терпимой для полётов: снег хоть и шёл, но не так сильно, что требовало бы корректировок в расписании. Аэродромная служба спешно и профессионально отчищала перроны и лётные полосы от скапливающихся хоть и не больших, но осадков. Предпринимались все меры, чтобы поддерживать коэффициент сцепления на должном и безопасном уровне. Однако температура воздуха продолжала снижаться.

Мальчик смотрел в окно и любовался этими красотами, которые ему открывались с каждым пройденным машиной метром. Самолёты, механизмы, люди в красивой форме, новенькие машины — вся эта строгость, но при этом масштабность пробирала мальчика с кончиков волос до пальцев ног. Он был уже весь в мурашках от сменяющихся за окном картин. Наверное, впервые в жизни он испытал такую гордость за человеческий ум и плод его кропотливого труда — Авиацию.

— Гриша, смотри, на аэродроме есть несколько видов разметки, и они все разных цветов, — указал рукой Валерий, — мы, специальный транспорт, ориентируемся только на белую, а самолёты ездят по жёлтым линиям.

— А вот это что за красная линия? — наконец-то вымолвил несколько осмелевший Гриша.

— Эта линия является границей места стоянки самолёта и зоны его обслуживания, и к ней тоже применяются особые требования. Вот, смотри, едет машина с продуктами. Она не может просто так подъехать к самолёту, выгрузить бортовое питание и уехать. Ей сначала

надо получить разрешение, с определённой скоростью и в определённом месте проехать эту линию, аккуратно подъехать к самолёту, чтобы его, ни дай Бог, не задеть и только потом тоже с определёнными требованиями разгрузиться и затем по такому же алгоритму уехать.

— Вот это да, как здорово! — весело пролепетал мальчик.

— Тихо, пригнись! — резко и неожиданно приказал инспектор.

В этот момент навстречу машине номер 5 Инспекции по безопасности полётов ехала красивая легковушка с ослепительными жёлто-оранжевыми цветами. Со всех сторон виднелась чётко выведенная надпись «Follow me».

Когда машины поравнялись, водители улыбнулись и поприветствовали друг друга характерным исключительно для этого аэропорта жестом, который заключался в поднесении двух пальцев к виску, с последующим отведением их вниз с резким уводом вверх. Он был негласным и неофициальным, но при этом использовался практически всеми работниками, занятыми на аэродроме. В местных кругах его называли либо «Удачного полёта», либо «Наши мысли восходят к Солнцу», что тоже звучало вдохновляюще.

Когда страшно красивая машина была уже позади, Валера дал команду «отбой», и Гриша принял нормальное положение в кресле, а сам аналитик немного расслабился.

— Кто это был? — с нескрываемым любопытством спросил Гриша, который увидел капельку пота на лице молодого человека, хотя на улице было уже добрые минус 6 градусов.

— Такие машины на аэродроме и люди в них сравнимы с обычной дорожной полицией, которая следит за ситуациями на улицах города. Они контролируют движение специального транспорта, следят за соблюдением скоростного режима и правил, тем или иным образом участвуют в расследовании аварий на аэродроме, однако основная их обязанность — это встречать самолёты после их посадки, сопровождать к отведённым им местам стоянок и устанавливать их, когда это необходимо, используя специальные жесты. Они выступают своеобразными ястребами, готовыми сорваться в любую точку аэродрома, чтобы прийти на помощь нашим диспетчерам для обеспечения оперативного маневрирования на перронах. Вот сейчас мы с тобой чуть не попались аэродромной полиции, — добавил с усмешкой Валера.

— А что бы было, если бы попались? — поинтересовался Григорий.

— Да я сам не знаю, если честно — никогда с таким не сталкивался, но знаю точно, что было бы не очень весело. Хотя он вряд ли что-то мог сам сделать, поскольку контролирование лиц, находящихся на перронах — это прерогатива службы авиационной безопасности, но он мог с лёгкостью передать им эту информацию.

— А вообще очень крутая работа, эта аэродромная полиция, я бы хотел так порулить, — весело произнёс мальчуган, вероятно, не понявший последних слов, и что они под собой подразумевают.

Валера рассмеялся и сквозь смех добавил:

— Про полицию я пошутил, а называется эта служба прямо так, как было написано на машине «Follow me» или «Следуй за мной». Служба сопровождения воздушных судов, входящая в состав аэродромной службы.

— Понял, — улыбнулся мальчишка.

— Вот мы и подъезжаем, вот этот самолёт, на котором ты полетишь на отдых.

И действительно, на стоянке 53 стоял красавец-самолёт, новенький «Иностранец» — 11 лет для металлической птицы практически ничто. Он был в яркой зелёно-жёлтой ливреи с интересным и загадочным узором в виде геометрических фигур разных размеров.

— Кстати, Гриша, сколько тебе лет?

— 9, — послышался ответ.

— Тогда знакомься, это почти твой ровесник, — усмехнулся Валера, — ему — 11, скоро стукнет 12.

— Здорово, а мне скоро — 10, — улыбнулся мальчик.

Они подъехали на стоянку. Здесь уже кипела работа по подготовке воздушного судна к полёту, а также активно протекала процедура посадки пассажиров. Пронизывающий ветер завывал на аэродроме, и людям, явно одетым не по погоде, было жутко холодно, поэтому они старались, как можно быстрее приземлиться в своё кресло на борту тёплого среднемагистрального лайнера.

Валерий, включив оранжевые проблесковые маячки, припарковал машину, как можно ближе к трапу, рядом с которым стояли два человека с рюкзаком-динозавром и, явно волнуясь, переминались с ноги на ногу, вглядываясь куда-то вдаль.

«Ха, смотрят на взлетающий самолёт, а их ребёнок не понятно где, а им всё равно», — промелькнуло у Валеры, и он пригласил Гришу к выходу.

— Вот и приехали, твоя остановочка! Рад был с тобой познакомиться, было бы больше времени, я бы тебе ещё столько всего рассказал, но, видимо, как-нибудь в другой раз.

— Спасибо большое, я был безумно счастлив, покататься по аэродрому. Я теперь всегда, когда буду приезжать в аэропорт, буду Вас искать и ждать.

— Авиация сближает людей, ещё увидимся! — улыбнувшись и протягивая руку, сказал инспектор. — Меня Валерий зовут, можно просто «Лера», инспектор по безопасности полётов. Если в следующий раз увидишь работника в такой же форме, можешь через него передать мне «привет», я буду ждать!

— Очень приятно, — весело хлопнув своей ладошкой по мощной руке инспектора, пролепетал Гриша, — обязательно передам.

— Ну, всё, выходим, твои родители уже, наверное, заждались.

И они вышли из тёплой и уютной машины прямо на мороз. Гриша тут же бросился к молодой паре и с радостными криками и восклицаниями тут же принялся рассказывать, что он видел, и как у него прошла такая необычная поездка. Валерий же медленно подошёл вслед за ним и тактично сказал:

— Ваш ребёнок в целостности и сохранности, можете подниматься на борт.

— Спасибо большое, — улыбнулась девушка, мы очень Вам благодарны.

— Приятного полёта.

И молодая семья одна из последних стала подниматься по трапу. Уже входя в самолёт, Гриша повернулся и радостно помахал Валере, стоящему возле красивой белой машины.

Инспектор, явно сдерживая эмоции, показал жест «Удачного полёта», а мальчик, вспомнив ситуацию на дороге, попытался повторить. Надо сказать, что у него неплохо получилось. И ещё раз, взглянув на своего покровителя, парень зашёл на борт с твёрдой уверенностью, что он увидит доброго дядю инспектора ещё раз.

Наблюдавшая за этой сценой молодая и красивая стюардесса, приветствовавшая пассажиров своего рейса, мило посмотрела на мальчика, а потом перевела взгляд на инспектора.

Она ему также ласково улыбнулась и повторила уже явно отработанный и не первый раз употребляемый жест. Валера в недоумении ответил тем же и продолжил на неё смотреть. Красивая светленькая девушка небольшого роста на каблуках и с ярким жёлтым маникюром под цвета авиакомпания продолжала приветствие последних пассажиров.

«Какая хорошенькая, как жаль, что она сейчас улетает...» — подумал Валерий.

Поприветствовав последнего туриста и получив одобрительный жест от наземного представителя авиакомпании об окончании посадки, она начала закрывать дверь самолёта.

Их взгляды вновь пересеклись. Прелестная девушка вновь улыбнулась инспектору, послала воздушный поцелуй и закрыла бортовую дверь.

Взгляд Валеры не отрывался от этой закрытой двери, словно желая её просверлить насквозь или сделать невидимой, чтобы продолжить любоваться женской красотой.

Простояв в таком замешательстве несколько секунд, он со вздохом отвёл взгляд в сторону и, словно подхватывая свою недавнюю мысль, шёпотом произнёс:

— Ничего бы ты не сделал, даже встретившись с ней на земле! Да и она просто выполняет свою работу, им же положено всем улыбаться, а в обычной жизни всё по-другому.

Закончив эту грустную мысль, он стукнул себя по ноге, как бы отгоняя все эти унылые рассуждения, вспомнил о Грише, улыбнулся и начал искать его по иллюминаторам.

Нашёл! Вот он, радостно машет руками и, скорее всего, кричит на весь салон.

Валера в ответ тоже помахал своему юному другу.

«Да, не жалею ни о чём! Я сам повеселел, даже настроение улучшилось после общения с таким мальчишкой. Надеюсь, я ему хотя бы немного привил любовь к авиации, а главное — я наконец-то реально сделал хоть что-то, выходящее за рамки своего комфорта и общих правил. Да, очень редко такое происходит, я рад!»

После этого Валера полностью забыл о той симпатичной девушке, которая сама открыто проявила к нему симпатию, вновь повеселел и понял, что разминка перед работой определённо удалась.

9

*Пушистый снег падает с небес,
И солнца луч пронзает небеса.
Густой и тёмный лес —
Убежище для раненого быка.*

UF-73637 — такой регистрационный номер красовался на фюзеляже молодого «Иностранца».

— Какое интересное число! — тихо проговорил Валерий, когда заветный лайнер с очаровательным мальчишкой на борту начал выруливать с места стоянки и направляться в зону противообледенительной обработки воздушных судов. — Может, мы действительно ещё с ним встретимся...

— Красиво идёт, — неожиданно раздался рядом голос.

Валера резко повернул голову — недалеко от него стоял тот самый «аэродромный полицейский», который сделал «Удачного полёта» из своей ослепительной жёлто-оранжевой машины.

— Ну, зачем так пугать, Андрей? А если у меня мысли разбегутся после этого? — со смехом в голосе отозвался Валера.

— Ничего, соберёшь их заново! Надо всегда быть в тонусе и не расслабляться!

— Да, это точно.

— Особенно на аэродроме, — продолжал Андрей, — а также в контролируемой зоне, куда посторонним вход запрещён! — многообещающе и с игривой интонацией закончил он.

Валера вновь повернул голову в направлении говорящего и уставился на него, а тот, как будто не замечая этого манёвра, продолжал говорить, всматриваясь в очередной приземляющийся самолёт:

— В аэропорту дети обычно должны быть с родителями или со специальными людьми по соответствующей заявке авиакомпании, но ни в коем случае с инспектором по безопасности полётов, да ещё и в служебной машине.

— Так ты всё-таки видел? — тихо и задумчиво проговорил Лера, медленно принимая свою участь.

— Конечно, это моя работа, как, впрочем, и твоя — всё видеть, пресекать нарушения и вырабатывать рекомендации по их недопущению! — уже повернув голову, ответил «Follow-мишник».

«Ну, всё, доигрался. Хотя что-то в жизни решил сделать не по правилам, увлечь кого-то, заинтересовать, и сразу же попался! Как школьник... Не умел списывать, ну не стоило и начинать!»

Опять весёлое настроение сменилось печальными и депрессивными мыслями в ожидании неминуемого наказания. Он со вздохом отвернулся:

— Мне нечего тебе сказать.

— Да я уже понял, — ухмыльнулся Андрей, явно довольный удачной «охотой». — Ладно, Лер, не переживай, я никому не буду об этом сообщать, только если сами «абешники» по камерам не видели мальчика, когда вы сели в машину.

— Почему не будешь? — вырвалось у Валеры, почуявшего возможность ускользнуть, не испортив при этом свою пока ещё безупречную репутацию.

— Да просто не хочу тебя подставлять перед твоим же начальством.

Валера недоверчиво посмотрел на своего собеседника, при этом характерно щурясь и пытаясь «прочитать» его мысли.

«Хитрый жук, он определённо чего-то добивается, что-то хочет взамен!»

И действительно, уловив немой вопрос нарушителя порядка, Андрей выдвинул свои условия такой сделки:

— Только я хочу попросить тебя об одном одолжении. Сейчас на эту стоянку прибудет новичок по наземному обслуживанию, не совсем ответственный и не очень одарённый парень. Он уже месяц самостоятельно работает, но очень много ошибается и «косячит». Будь так любезен, не нужно на него «охотиться». Я же знаю, что если вы выезжаете на перрон, то без акта не можете вернуться назад. А ты здесь стоишь и даже не думаешь куда-либо уезжать. Вот я и подумал, что ты хочешь именно на этой стоянке что-то проверить.

Валера искоса на него посмотрел, призадумался немного и ответил:

— Как же его тогда допустили к самостоятельной работе, если он такой?

— Наверное, чей-то, — и Андрей показал пальцем в небо, — кто-то хорошо попросил, и вот он работает. Либо просто, как всегда, не хватает народу, вот и ускоренно выпускают птенцов, чтобы повысить производительность. А меня к нему приставили, как наставника и контролёра. Вот слежу, что-то подсказываю.

— Так что же? Ты предлагаешь закрыть глаза на нарушения, которые он может совершить при установке и обслуживании самолёта?

— Молодец, всё верно понял!

— Это что, взятка получается?

— Ну... в какой-то мере — да, — с улыбкой отозвался Андрей и вновь устремил свой взгляд куда-то вдаль.

— Ну, ты же понимаешь, что я не могу не сообщить о нарушениях, которые ставят под угрозу безопасность полётов?

— Тогда мне придётся сообщить о нарушении режима, что тоже отражается только уже на авиационной безопасности! Решать тебе.

— И что ты мне предлагаешь? Просто стоять и смотреть, как человек устанавливает самолёт не по линии или как «перекатывает» его, как он подаёт сигналы с выключенными жезлами, как забывает расставить конусы и колодки, вообще не осматривает фюзеляж, как нарушает технологию подъезда спецмашин к борту и т.д.?

— Ты можешь просто сейчас взять и поехать на другое место стоянки, у тебя же всё равно разминка идёт. А вот, наверное, и они.

На стоянку подъехал белый служебный микроавтобус, и из него вышла команда по наземному обслуживанию.

— Добрый день, Андрей, — поприветствовал молодой человек «Follow-мишника».

— Привет! — с улыбкой ответил покровитель.

— Скажи, а почему ты? Вы же вообще в разных службах работаете. Почему не приставили за ним кого-нибудь из его непосредственных коллег или вообще из нашей Инспекции? — спросил Валерий, когда молодой человек отошёл.

— Вообще без понятия, там, наверху, какие-то свои игры, нас не посвящают. Мне просто сказали, что есть такой, будет славно, если я ему буду помогать и защищать. Видимо, потому что я мечу в начальники смены «полицейских», как вы нас называете, или всего административного центра. К тому же я могу быстро приехать на место какого-то происшествия или подстраховать, если что. А ваша Инспекция очень маловероятно согласилась бы на такое покровительство, поэтому и не стали вас в это посвящать. Ну, так что решил, по рукам?

Валера явно колебался. Его поставили в самое неловкое из всех неудобных положений: с одной стороны честь и достоинство, с другой — долг перед авиацией, безопасность воздушного судна и пассажиров. И то, и другое было для него одинаково важно и ценно. Заметив такое замешательство, граничащее с отчаянием, Андрей с улыбкой похлопал по плечу молодого инспектора и проговорил:

— Ладно, не мучайся, я с тобой постою посмотрю. Если что-то будет грубое и непозволительное — пиши, сообщай и действуй. Он мне тоже, если честно, не совсем нравится. Только к мелким вещам не придирайся. А про мальчика я в любом случае не буду говорить.

Валера вновь несколько повеселел и почувствовал облегчение — меч, нависший над его головой, прошёл мимо. Или его только отвели с опасной траектории? Последнего он не знал, и вновь закрались сомнения — что мешает Андрею сообщить об этом через неделю или другую, какая разница? Записи камер всё равно сохранятся, тем более у «полицейских» в машине теперь появились видеорегистраторы, один из которых явно успел запечатлеть момент, когда Лера приказывал Грише пригнуться. Но это лучше, чем ничего, вдруг действительно он говорит правду, и не будет никаких последствий. Единственное, что ему не нравилось — так это то, что он попадал в зависимость потенциальному конкуренту на высокие посты, что в будущем может выйти боком. Однако он решил понадеяться, что через год — другой всё это забудется. Да и кто знает, что может случиться за это время, поэтому пока он решил смириться, но быть начеку.

— Спасибо, я очень благодарен тебе. Не знаю, что на меня нашло, кто дёрнул показать мальчику наш перрон. Такое больше не повторится.

— Да, я надеюсь, что это был в первый и одновременно в последний раз. А кто этот мальчишка? Чей-то оттуда? — и Андрей вновь повторил свой жест к небу, намекая на дитё какого-нибудь влиятельного человека.

— Да нет, в том-то и дело, что просто ребёнок, обычный мальчик из обычной семьи. Просто встретились перед входом в аэропорт, он мне как-то понравился, а потом с ним столкнулись уже на посадке, ну я и решил его как-то удивить и порадовать. Может, это как-то в будущем сыграет для него свою роль.

— А, я понял, тоже похвальное дело, но только не на аэродроме же! Да, сейчас фанатиков и первоклассных специалистов в роде тебя нам и не хватает, вдруг реально из него после вашей поездки что-нибудь толковое выйдет...

Тем временем на стоянку 53 начал заруливать новый самолёт, какой-то иностранной компании. Команда по наземному обслуживанию уже выстроилась в ожидании очередного рейса, а привилегированный товарищ начал «парковать» самолёт.

— Начинается, — проговорил Валерий и достал из машины фирменный планшет, на котором были прикреплены чек-листы по проверке качества наземного обслуживания воздушных судов на перроне.

Они простояли ещё минут 10 — 15 на пронизывающем холодном ветре, разговаривая с Андреем о перспективах развития Аэропорта и о его текущих проблемах, мельком поглядывая за деятельностью служб по наземному обслуживанию. Не дождавшись окончания работ и

отправки рейса, Валера благополучно распрощался с Андреем и покинул стоянку 53, проставив во всех пунктах чек-листа галочки и резюмировав, что замечаний к работе аэропортовых служб, обслуживающих данный рейс, у Инспекции по безопасности полётов не имеется.

Подъезжая к выходу номер 4, он невольно начал анализировать то, что произошло вокруг его персоны во время этой утренней разминки:

«Да, если сейчас бы добросовестно выполнил свою работу, то, наверное, процентов 20 галочек я в этом листе не поставил. А ещё бы красиво расписал, что «Внешний осмотр выполнен с нарушением схемы обхода (нарушение Руководства по организации наземного обслуживания для данного типа)». А ещё бы указал что-то в роде: «Нарушение технологического графика по выгрузке багажа из второго багажного отсека». А ещё вклеил бы ему что-то в роде: «Маневрирование специального транспорта в зоне обслуживания ВС в отсутствии конусов безопасности + неправильные жесты», и добавил бы: «Пренебрежение техникой безопасности персонала (работа без СИЗ)» и так далее. Потом пиши и строчи эти отчёты из-за таких бестолочей, которые врезаются в фюзеляж самолётов. А так пустой лист подкреплю, мол, всё хорошо, повода для беспокойства нет, наш аэропорт идеальный! Вот так мы и работаем... а этот Андрей интересный тип, специально меня заговорил, чтобы я ненароком ничего не написал, да ещё «подсказывал»: «Хорошо, вот здесь молодцы...» Жук! А я повёлся, как мальчишка какой-то. Да у меня и выбора-то не было. Так глупо попасться! Ладно, надеюсь, что пронесёт: Андрей, допустим, не скажет. Я почти уверен в этом, но есть камеры! А что если кто-то из АДЦ видел?! Или того хуже — из службы авиационной безопасности! Ладно, будь, что будет...»

10

*Бумага, муза и перо —
Что нужно для поэта?
Таков закон уже давно —
Не пора ль дополнить чем-то?*

Какое же удовольствие доставляет входить в тёплое помещение после нахождения на морозе! Всё тело раскрывается и прогревается, хочется снова наслаждаться жизнью, а не терпеть этот вездесущий холод и пронизывающий ветер. Такое чувство можно сравнить лишь с каким-нибудь легкоатлетическим марафоном, когда наконец-то можно расслабиться, перевести дух, попить долгожданной воды, сидя в удобном и просторном кресле, вытянув гудящие ноги.

Это было невообразимое чувство, за которое Валера обожал зиму, а ещё любил её за снег, за метели, за короткий световой день и за постоянно пасмурную погоду — источник уверенности и комфорта для ярого интроверта. Наверное, именно это немного перевешивало чашу воображаемых весов симпатии в сторону зимы, нежели лета. Но главное — не осень, а тем более не весна! С постоянной грязью и странными днями во время последней, и ещё с большей грустью, пустотой и унынием во время первой.

С лёгким чувством облегчения и приятными мурашками по всему телу согретый Валера входил в свою уже любимую и родную Инспекцию по безопасности полётов. Чутьё не подвело — все уже были на месте и в работе.

Его как обычно встретили с радостными немного шутливыми возгласами и очередными вопросами о проведённой им разминке. Но при этом уважительно и с определёнными нотками восхищения его желанием и прытью обезопасить и усовершенствовать Авиацию. Хотя при этом все прекрасно понимали, что за этими благородными деяниями в то же время маскировались амбициозные и горделивые планы по достижению максималистских целей и карьерных

высот. В любом коллективе бывают личности, от которых все сторонятся, бывают и те, кто вызывает презрение и ненависть, бывают и зануды, и чрезмерно вспыльчивые, и ленивцы, и ещё множество других категорий. Практически на любой работе, в любой компании или организации всем сотрудникам даются не то «ключики», не то «позывные». Валерию был негласно присвоен статус «дотошная пчела», одновременно символизирующий и местами чрезмерный педантизм, граничащий с занудством, и колоссальное трудолюбие с исполнительной ответственностью, и наличие духа и силы воли встать на защиту правого дела в виде безопасности и авиации, не забывая и о своей персоне.

Обычно при ответе на такие возгласы о разминке, на которую фактически только он и ходил, хотя в обязанности каждого инспектора входило, как минимум, один раз в день выезжать на перрон и проводить выборочную проверку работы аэропортовых служб (не трудно догадаться, что он проводил, как минимум, две), он без зазрения совести рапортовал об удовлетворительной и добротной работе всех задействованных подразделений. Однако он никогда не говорил об отличных результатах, чего нельзя было сказать о других его коллегах. Валера всегда мог найти какие-нибудь скрытые нарушения в любых производственных и организационных мероприятиях, поэтому практически всегда в отчётах добавлял информацию об обнаруженных «шероховатостях» и мелких неточностях. Однако сегодня он не мог уверенно сказать об успешности или хотя бы об удовлетворённости своей вылазки. Всё было по-другому. Нарушений было намного больше, чем положительных наблюдений.

Он сделал небольшую паузу, проглотил комок в горле и как-то тихо и невнятно вымолвил, что всё в порядке, потом поднял глаза, оценил, что его никто не понял и уже уверенно доложил об успехе «операции».

«Браво!» — послышался ответ. Все улыбнулись и обратно погрузились в плодотворную и скрупулёзную работу.

Как обычно, проходя на своё рабочее место, Валера ощутил на своём плече тяжёлую массивную руку начальника Инспекции — немного тучного, но при этом вполне активного мужчины лет 60-ти — бывшего военного лётчика.

— Лер, помнишь про отчёты? Сегодня все должны быть у меня на столе!

— Да, всё в порядке, скоро будут готовы, там чуть-чуть осталось, — ответил Валера, усаживаясь в тёплое и уютное кожаное кресло.

— Давай, трудись, молодец!

Валере надо было перевести дух после таких приветствий и пережить нахлынувшие эмоции — благо время ещё не поджимало:

«Как же хорошо, что никто из них не обучался профилированию. Меня сейчас можно было как какую-нибудь детскую книжку прочесть: пауза, глаза вниз, сглатывание слюны, первый невнятный ответ, ноги крестом, закрытая поза, бесконечные нервные движения пальцами рук, потерянный взгляд, красное лицо. Просто все признаки потенциальной лжи и обмана, а они ничего не увидели. Может, всё это было слишком быстро для неподготовленного и непрофессионального взгляда, поэтому это оказалось невозможным всё подметить? Ну как же красное лицо и хаотичные движения пальцами, а как же тихий ответ? Не знаю, может быть, все подумали, что лицо красное — это от перепада температур, движения в пальцах — от холода, а тонкий голос — от ветра? Вполне вероятно... да, пусть будет так. Если начали бы „копать“ под меня — точно дошли бы до истинного положения дел, но, значит, им это не надо или просто не хотят, по крайней мере, сейчас»

Валера вновь посмотрел на свой календарь-ежедневник: на нём продолжали маячить 4 записи, первая из которых была жирно обведена красными чернилами, а рядом с ней красовались три восклицательных знака:

«1. Отчёт. Столкновение 2 ВС.

2. *Отчёт. Инцидент. Тягач + ВС.*

3. *Отчёт. Грузовик + здание = столкновение. (Рекомендация мер — записка).*

4. *Отчёт. Птица + нос. Обтекатель + фюзеляж + двигатель?»*

— Да, уже пора за работу!

И Валера погрузился унылую, рутинную и механическую работу по написанию аналитических отчётов. Иногда он ощущал себя обычным офисным клерком, чего он всеми силами пытался избежать, когда выбирал себе будущую профессию.

Но как только эти мысли посещали его необычную голову, и он сам, того не осознавая, погружался в них, отказываясь от дальнейшей работы в силу принципа «не к этому я шёл, не этого я хотел», какое-то неведомое влияние одним сильным толчком выводило его из этого своеобразного и печального транса. Он мгновенно приходил в себя и со словами: «Нет, я не клерк, по крайней мере, точно не обычный из офиса! Здесь — Авиация, здесь — сила и мощь, а не эти финансовые закорючки или аудиторские проверки! За работу!» — вновь приступал к своим обязанностям и с прибывшим вдохновением шедеврально заканчивал свои отчёты.

Начальство уже смирилось с огромными и своеобразно написанными докладами Валерия. Оно не раз указывало ему на чрезмерную художественность изложения, но всё было бесполезно: начальник Инспекции неустанно получал ответы об эксклюзивности, об уходе от сухого формализма и о простоте такого изложения для самого автора.

Как-то раз, увидев такие сочинения, один из заместителей Генерального директора Аэропорта заинтересовался, чьё это творение, и начальник Инспекции, уже изрядно напуганный какой-то неведомой карой от выше стоящего руководства, рассказал о своём новом и перспективном сотруднике. В ответ на это он получил полное одобрение о проделанной работе и заверения о поддержке такой инициативы. Также заместитель Генерального указал, что поднимет на ближайшем совещании вопрос об уходе от чрезмерного формализма в некоторых областях аэропортовой деятельности.

После этого Леру вновь похвалили и призвали всех остальных сотрудников Инспекции стараться следовать его примеру, но не перебарщивать. В итоге только пару человек попытались уйти от бюрократической машины и заняться «художествами», но ничего не вышло. Даже при поддержке отца-основателя такой инициативы, который по первому же печальному вздоху от своего коллеги пытался помочь красиво сформулировать какую-нибудь фразу.

Бюрократическая машина своими безжалостными щупальцами просто смела все наработки такой инициативы. Начальство Инспекции отнеслось скептически, заместитель Генерального о своём обещании забыл, сам Директор остался не в курсе. Да он бы, наверное, и не стал ничего предпринимать или что-то менять — ему были важны цифры в бухгалтерских отчётах, а как они там появлялись — мало, кого интересовало.

По итогу, Валера смирился с бесполезностью продвижения и агитации своей очередной инициативы, уже в качестве аналитика Инспекции, а не сотрудника авиационной безопасности, принял к сведению, что бюрократическая и формалистическая машина для обычных работников непоколебима и неприступна. Он твёрдо решил, что уничтожит её первым же указом или распоряжением, внесёт ясность и откроет этот мир Авиации всем желающим, в том числе и пассажирам, с красивой и яркой стороны, когда получит подходящую должность. Но какую именно, он сам не знал: «Там, какую-нибудь повыше, а там посмотрим, что будет».

А пока он продолжал строчить в меру художественные отчёты об уже рядовых аэродромных происшествиях, по несколько раз пересматривая фотографии и записи, сделанные его старшими по должности коллегами на месте аварии, а также часами крутил любезно предоставленные какими-то сотрудниками видеозаписи с камер наружного наблюдения для составления полноценной картины происшествия. Это и был его эксклюзив, как он зачастую выражался, просматривая каждое движение будь то автомобиля или человека, он пошагово прокручивал

видео и описывал, что стало причиной того или иного инцидента. Тем самым у него получалось полноценное расследование, чем-то отдалённо напоминающее оперативно-розыскные мероприятия.

Если случалось такое, что он по каким-либо причинам самостоятельно оказывался на месте происшествия, он снимал такие кадры и с таких мест, где самому опытному инспектору было трудно догадаться, зачем он проделывает такие махинации. Для чего-то он ещё умудрялся помимо официальной объяснительной записки брать полноценное интервью у участников инцидента. И только спустя 2 — 3 недели, читая отчёт с приложенными фотографиями, вырисовывалась полная и понятная картина. Если они были бы в школе, Валера стал бы круглым отличником, если не ботаником, а здесь он просто: «Молодец, далеко пойдёшь!»

При составлении самого важного на сегодня отчёта о столкновении двух самолётов, просматривая фотографии, он невольно с улыбкой про себя поговаривал о курьёзности инцидента:

«Ну, вот как так можно? У нас даже самолёты сталкиваются, а они хотят там что-то с автомобилями делать для уменьшения аварийности на дорогах... Пока человек торопится и надеется на „авось“, всегда и везде будут аварии и столкновения, даже на аэродроме. Ну, вот кто его заставлял протискиваться здесь?» — задавая сам себе вопрос, пытался разобраться Валера, анализируя инспекторские фотографии, кроки авиационного события и аэродромные видеозаписи.

«Отклониться от жёлтой линии, пытаться объехать впереди стоящий самолёт, выходящий на ВПП, а всё ради чего? Чтобы успеть выйти на исполнительный старт вовремя и начать разбег сразу же после этого белого бедолаги, который остался в результате происшествия без заднего сопла и с повреждённым рулём высоты... И всё ради денег, ради экономии топлива и времени пребывания в аэропорту. В итоге остались в неплохом минусе — около 500 тысяч „розовых“, пилот без работы, если после этого его вообще куда-нибудь возьмут ещё раз, или если он вообще останется на свободе — ущерб-то огромный. Да ладно эти авиакомпании — сами между собой разберутся в суде с помощью наших отчётов — но при этом сам Аэропорт ещё пострадал — вся магистральная дорожка оказалась перекрытой, задержки пошли, а это уже затраты и проблемы наши», — с грустью размышлял Валера, разглядывая обломки алюминиевых конструкций, разбросанных на бетонном покрытии рулётной дорожки.

Не прошло и пары часов, как самый главный отчёт за последнее время был успешно завершён, перепроверен, распечатан и положен на стол начальнику Инспекции в красивой фирменной тёмно-синей папке с золотистыми вставками. На сегодня оставались относительно простые и уже рядовые отчёты о попадании птиц, о столкновении автомобиля с телескопическим трапом и инцидент с буксировочной бригадой, где в результате недопонимания между аэропортовыми работниками самолёт чуть не лишился передней стойки шасси.

Авиакомпания, даже несмотря на то, что ничего критичного не случилось, потребовала от Аэропорта уволить недальновидного водителя тягача, а также оштрафовать других работников, которые участвовали в буксировке. В Инспекции по безопасности полётов сообщили, что проведут комплексное расследование, по результатам которого будет сделан отчёт о профессионализме или безалаберности персонала. Этот отчёт доверили сотруднику, который может красиво расписать на бумаге любую ситуацию и выпутаться из любой бюрократической ямы. Не обошлось и без негласного наказа: сделать так, чтобы этот водитель остался работать, и у Руководства Аэропорта не было к нему вопросов, потому что «пострадавшая авиакомпания корчит из себя невесть что и навязывает свои условия».

В сущности, Валера и не хотел никого увольнять или делать худо своим же коллегам, поскольку между аэропортами и авиакомпаниями на фоне внешней взаимовыгодной работы и партнёрства постоянно ведутся негласные соревнования и закулисные разборки. Каждый хочет показать, что один без другого не выживет, поэтому зачастую одни защищали своих работников, а другие наоборот хотели подставить «конкурентов», чтобы максимально извлечь

репутационную, а если повезёт, то и материальную пользу. Зачастую доходит до откровенного мошенничества: пилотам или наземному персоналу авиакомпании не составляет большого труда заявить о нарушении целостности конструкции или элементов воздушного судна ввиду некачественной работы персонала или служб конкретного, «нелюбимого» аэропорта, а затем потребовать компенсации издержек на ремонт и обслуживание. Или, например, при попадании птицы в самолёт на этапе взлёта из «нормального» аэропорта лётный экипаж может промолчать, но при этом непременно сообщить диспетчерам, что удар был зафиксирован именно на этапе посадки в «ненавистной» авиагавани. А какая разница? Ведь факт попадания есть, все системы были в норме, двигатели не повреждены, полёт прошёл нормально. Что мешает поставить орнитологическую службу пункта назначения о недобросовестном выполнении своих обязанностей? Всё равно никто не может точно проверить и установить этап попадания пернатой бедолаги, а причин не доверять пилотам ни у кого нет. Аэропорт же, в свою очередь, ищет лазейки и шероховатости в деятельности перевозчиков, чтобы максимально себя обезопасить, а если получится, то прилично заработать, на чём-нибудь сэкономив. Это настоящее противостояние двух гигантских систем, на которых держится весь воздушный транспорт.

Единственное, что их объединяет — это настороженность и какой-то негласный и бесильный отказ от новых противоречивых и не до конца доработанных правил, поступающих «оттуда», от законодателей и центрального руководства. В данном сегменте между ними наступает перемирие и начинается взаимный поиск обходных путей. Ведь правила на то и создаются, чтобы их нарушать! Конечно, такое положение дел никто никогда не признаёт и почти вслух об этом не говорит, но в воздухе всегда вместе с некоторой напряжённостью и подозрительностью витает дух бунтарства и «революционного» единения.

«Да, миловать!» — подумал Валера, прочитав объяснения очевидцев, в том числе супервайзера, старшего по смене в сфере наземного обслуживания, представителя авиакомпании и самого водителя тягача.

«Бедолага, просто не понял жестов „супера“ и случайно нажал педаль газа, когда самолёт был ещё на стояночном тормозе. Сейчас, наверное, убивается из-за своей невнимательности и рискует быть оштрафованным или вовсе, как они просят, потерять работу», — с грустью рассуждал Лера, представив себя своеобразным судьёй, который вершит дальнейшую судьбу простого аэропортового работника. — «Ничего же критического не произошло, зачем увольнять? А штрафовать для чего? Ничего же не повреждено! Какие-то бессмысленные требования! Первый закон Безопасности полётов как звучит? „Нельзя наказывать, разобраться!“ Главная задача у нас — это не наказание, а поиск причины и устранение предпосылок в будущем, чтобы это не привело к реальной поломке или, что ещё хуже, к катастрофе!.. Да, надо так это и аргументировать и предложить что-то своё, хотя от меня это и не просят, но пусть будет. Ну, и рекомендовать сделать ему официальное замечание или выговор лишним не будет!»

Так и закончил свои мысли Валера, приступив к составлению и написанию очередного отчёта.

11

*Стол и стул на холме кровавом:
Гордо восседает древний генерал.
В его глазах — смерть и шрамы.
«Крепость взять!» — звучит сигнал.*

Самая лучшая награда за проделанную работу — это собственное моральное удовлетворение. Ты прямо ощущаешь, как многокилограммовый камень скатывается с вершины горы,

на которую ты его в течение нескольких часов или дней тянул на своей спине, выполняя ту самую работу. И вот ты, добравшись до вершины, получив результат и посмотрев на проделанный путь, величаво одной ногой толкаешь этот валун, который с болезненным криком и скрежетом слетает в пропасть. Туда — на плечи других людей, которые только находятся на первой ступеньки выполнения какой-то поставленной перед ними задачи. Получается своеобразная круговая эстафета.

То же самое чувство ощутил Валера, когда поставил точку на втором за день отчёте, где вершилась судьба бедного водителя тягача. Но всё нормально — он остаётся в штате!

Теперь настало время чего-нибудь перекусить — как раз подошёл обеденный перерыв. Это второй из немногочисленных плюсов скрупулёзной и монотонной работы с отчётами, которые требуют глубокого погружения в свои тайны и мельчайшие подробности. Зато при этом они магически ускоряют время, а обед становится переломным моментом в течение рабочего дня, до конца которого психологически остаётся не так уж и много времени. Так было и этот раз.

«Сейчас как раз перекушу, передохну, съезжу опять на перрон, а там и два этих несчастных отчёта царапнуть и всё — домой. А там ещё Новый Год скоро... просто прекрасно!» — откинувшись на спинку кресла и закинув руки за голову, размышлял довольный Валера.

Но вдруг его приподнятое настроение вновь сменилось каким-то ни то отчаянием, ни то задумчивостью:

«Оля... мы договорились пообедать вместе... Эх, как хорошо одному кушать, никто не отвлекает от вкусовностей, а тут надо ещё думать, что говорить — не просто же молчать да жевать что-то! Да, говорить... а о чём? Опять мне придумывать, опять мне вести диалог — что за мода у них пошла, молчать, да только отвечать?! Поразительно!»

Резкие перемены настроения были свойственны таким ярким интровертам, каким являлся Валерий. Его внутренний мир напоминал погоду: то было жарко и солнечно, то за несколько минут могли набежать облака и резко похолодать, а если внутренние честолюбивые рецепторы приходили в полное отчаяние, то наяву начинался дождь, если не говорить о граде, олицетворяющем ярость и жгучую боль.

И вот сейчас он шёл по длинным внутренним коридорам до столовой и всё обдумывал, с чего бы начать диалог. Он терпеть не мог неопределённость и поэтому всегда старался всё предугадать и просчитать. Даже если это была бы импровизация, она всегда должна была быть контролируемой и хотя бы немного продуманной, как бы это двусмысленно не звучало.

И вот он уже за столом с полным подносом всяких вкусных яств. Однако понимания о ближайшем диалоге так и не прибавилось.

«О чём будет с ней разговор? А может, она вообще забыла и не придёт? Да, надо на это надеяться!»

Вдруг из-за спины в нескольких сантиметрах от его любимого стола рядом с окном раздался миленький женский голосок:

— Приятного аппетита, милый инспектор!

Валера от неожиданности чуть не подавился ароматным супом: благо успел отвести ложку обратно к тарелке, а то картина была бы слишком нелепой. Уже второй раз за день к нему вот так без предупреждения подходят и заставляют врасплох — неприятная тенденция наметилась.

— Прости, я тебя напугала? — пролепетала, присаживаясь напротив, Оля.

— Немного есть такое, — с усмешкой в голосе проговорил Валера, озадаченный таким неожиданным появлением девушки.

«Ещё и пропустил её подход, для чего я сажусь сюда? Специально, чтобы видеть всех входящих, а тут упустил», — пронеслось в голове молодого человека, но он только ответил:

— И тебе приятного аппетита.

Прошло секунд 20 молчания — самые неловкие и отвратительные, после которых Валера не мог дальше просто так сидеть и продолжать трапезничать, молча пережёвывая кусочки пищи. Надо начинать как-то диалог, если она вновь решила переложить инициативу!

«Что делать? Ладно, начнём с банальщины, а там что-нибудь придумаем...»

Он поднял глаза и встретил загадочный и одновременно красивый взгляд своей спутницы. Она практически не притронулась к еде, а смотрела только на него и мило улыбалась.

От этой неожиданной и никак им не продуманной детали Лера потерял дар речи и также уставился на неё. И вновь пролетели немые и ужасные 20 — 30 секунд неловкого молчания и глупых улыбок. Да ещё (о Боже!) пристально смотря друг другу в глаза, практически не моргая!

Но переборов себя и сделав невероятное усилие, молодой человек невнятно произнёс несколько бессвязных слов:

— Ты... такая краси... красивая сегодня, прямо-таки, как долгожданный и беленький снежок, — еле-еле произнёс Валера.

После этого он резко стал похож на только что приготовленного рака, и вновь уставился в свой рассольник. Он чувствовал давящий, но в то же время ласковый взгляд Оли, которая до сих пор так и не отвела глаз от его красивого и смущённого лица.

Боковым зрением Валера увидел вдалеке тот самый памятник, перед которым он сегодня останавливался, и у него проскочила мысль: «Это мне надо ставить памятник за то, что я целых 30 секунд смотрел в её прекрасные глаза!»

Вдруг он услышал удивительной чистоты женский смех — это была реакция Оли на недавно сказанные в её адрес приятные слова.

— Это самый милый комплимент за последнее время, спасибо, мой милый инспектор! — звучно произнесла красавица.

И тут уже вторая волна краски хлынула в лицо молодого человека, он чувствовал, что на подходе уже третья, та самая, которая приходит из-за двух предыдущих.

Наконец-то она приступила к приёму пищи, а то не известно, сколько ещё таких красных волн пришлось бы пережить обескураженному молодому кавалеру.

С супом было покончено, пришло время возобновления общения, потому что пауза уже была слишком долгой.

«Что же спросить?» — крутилось на языке и в мыслях аналитика. — «А, будь, что будет!»

— Ты сказала «в последнее время», а как часто тебе делают комплименты? — это был явно мощный выпад.

Девушка вновь подняла глаза — на этот раз в них читалось некое удивление, вызванное неожиданным поворотом событий, вероятно, предшествующих интересному и интригующему разговору.

— Ты хочешь у меня спросить, много ли было у меня молодых людей? — это был неплохой контрвыпад с её стороны.

«Интересно, неужели она тоже придерживается этой тактики?» — мелькнуло у Валеры, а вслух с улыбкой произнёс:

— Это был бы мой второй вопрос.

— Интересно, — ласково отозвалась Оля, — ну, скажем так: обычно, говоря про отношения, упоминают цифры 3 или 4... наверное, в моём случае будет то же самое. Было несколько таких, быстреньких: от пары месяцев до пары лет.

— Интересная картина! С такой привлекательной внешностью... — не закончив мысль, Валера прервался, а про себя тем временем подумал: «Вот я попал... что я могу предложить такой, как она? А вообще — какой бред я всё-таки несу!»

— Берегись, инспектор, это — уже второй комплимент за пару минут! Так, глядишь, и влюбишь меня в себя, — сделав вид, что не заметила недосказанность фразы, лукаво произ-

несла игривая брюнетка, и как будто бы случайно коснулась ноги Леры своей изящной в телесных колготках ножкой.

Комплимент второй, а краска на лице уже 4 или 5 — Валера начал терять счёт. Однако он не думал сдаваться, поэтому и продолжил своё медленное наступление на эту грамотно сконструированную и изящную крепость — так инспектор называл отношения между мужчиной и женщиной, которые для него были сравнимы со средневековыми боевыми действиями. Изучение цитадели, анализ местности, поиск «уязвимостей», разведка внутри «противника», подготовка к осаде, воздание к «врагу» миролюбиво капитулировать, начало боевых действий, осада и т. д. и т. п. вплоть до полного «падения» обороны и поднятия нового флага.

Что Валера называл «капитуляцией», он сам до конца не понимал: то ли это свадьба, то ли это знакомство с родителями, то ли просто-напросто взаимное объяснение в любви или обычная интимная близость — это зависело от конкретного случая и возможных перспектив.

Мы возвращаемся к нашему сражению двух мастодонтов: теоретически подготовленного слона и уже на практике опытного волка, точнее — волчицы.

— Неужели это плохо? Я был бы очень рад, если смог это сделать! — довольно твёрдым голосом произнёс Валера.

— Ничего плохого, я тоже была бы рада! Пока у тебя это отлично получается, — также с обворожительной улыбкой произнесла Ольга.

— Я, на самом деле, удивлён, что спустя три получасовые встречи мы уже заговорили об отношениях.

— Я тоже удивлена такой ситуации, часто молодые люди очень долго с этим тянут.

— Я сам в шоке от себя, обычно у меня язык не поворачивается сказать и после двух — трёх недель такое, а с тобой всё как-то само получается... может быть, это судьба?

— Всё может быть, — лаконично закончила эту тему Оля, которой, видимо, не очень хотелось менять предмет обсуждения, но ей так и не удалось это сделать. То ли из-за своего склада ума, который полностью перекладывал инициативу на партнёра, то ли из-за своей недалёковидности и узости мышления, то ли из-за защитной реакции инспектора, который был уже на последнем издыхании от очередного прилива красных пятен на лице.

Больше никто к этой теме не возвращался. После продолжительного молчания и возобновление опять-таки Валерой диалога последовало банальное обсуждение аэропортовых процессов, сплетен и новостей.

На этом обед был закончен. Оставалось ещё 10 минут до возобновления трудовой деятельности. Молодые люди начали неспешно покидать столовую, продолжая обмениваться стандартными фразами.

При выходе из помещения они решили посмотреть за людской массой в контролируемой зоне — на это бесконечное движение пассажиров международного и круглосуточного аэропорта.

Они стояли, облокотившись на перила, и молча наблюдали за перемещениями людей с чемоданами. Вдруг Валера увидел, что как будто случайно блузка Оли была расстёгнута сверху на пару пуговиц, и при некотором угле можно было увидеть обнажённое декольте и краешек её нижнего белья.

Валера сначала не поверил тому, что предстало перед ним, поэтому он то резко отводил взгляд, чтобы не показаться вульгарным и невоспитанным, то вновь возвращал глаза под интригующий угол, чтобы достоверно убедиться, что он случайно где-нибудь не уснул, и ему всё это не чудится.

Оля заметила эти нервные и скованные движения головой молодого человека, который «случайно» постоянно смотрел влево и вниз, как будто бы на толпу.

Она понимала это, улыбалась и ждала, что будет дальше.

Но ничего не происходило, её выпад оставался без ответа. Это начало её смущать и тревожить: «Только что же всё было хорошо, куда пропала та уверенность у этого милого и красивого мужчины? Что мне ещё сделать, чтобы я получила объятия, а может быть и поцелуй, ну или на худой конец — комплимент?»

А молодой человек стоял и чувствовал, как дрожат его руки, как катится пот по его спине и груди, но ничего не мог с собой поделать — он боялся. Он хотел, но боялся. Ни одна конечность не поддавалась контролю со стороны головного мозга, поэтому он физически не мог удовлетворить желания своей очаровательной спутницы.

Крепость подняла белый флаг и бросила к подножью своих стен, но полководец побоялся его взять и поднять над своей головой в знак полной и безоговорочной победы.

Тогда комендант, видя, что его «неприятель» — странный чудак, сам вызвался ему помочь.

Оля резко повернулась и оказалась так близко, что дышала ему прямо в подбородок. Он чувствовал её ровное, тёплое и пламенное дыхание. Девушка вся излучала невидимый и лёгкий аромат симпатии и страсти к молодому человеку, практически касаясь его всем своим прекрасным телом. А эта божественная родинка справа на шее — была смертельным оружием!

Он опустил свою красную физиономию и посмотрел вниз: там — яркие, сверкающие страстью глаза, там — нежная кожа, там — великолепное тело со всеми формами, там — блузка, расстёгнутая уже больше, чем на пару пуговиц. Там были наслаждения и счастье, там, возможно, было его будущее вплоть до старости.

Валера почувствовал, что ноги его уже подкашиваются, пот льётся градом! Закрыв глаза, он понял, что это не он захватывал крепость — он всего лишь защищался, а захватчиком была именно она!

Уже новый полководец, видя, что крепость почему-то не сдаётся, решил пойти на отчаянные меры — применить новое оружие!

Оля, поднимая свою нежную ручку, чтобы приобнять до корней волос красного молодого человека, случайно, но при этом весьма ощутимо, задела аксессуар, иногда именуемый мужским достоинством — тот самый ремень, который стал причиной «звонка» металлоискателя утром.

«Всё, он мой!» — подумала она и вдруг почувствовала вибрацию.

Валера опомнился, достал телефон из кармана брюк и ответил:

— Да..., иду... да, уже бегу! Оленька, прости, пожалуйста, срочно вызывают, мне нужно бежать.

Сам, не зная зачем, поцеловал её в щёчку, по-армейски повернулся и устремился по внутренним запутанным коридорам аэропорта в свою любимую Инспекцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.